

УЖАСЫ / МИСТИКА / ФЭНТЕЗИ
ЕКАТЕРИНА БОРОВИКОВА

ВЫРАЙ

НОВАЯ ЭПОХА

Екатерина Боровикова
Вырай. Новая эпоха
Серия «Вырай», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Между человеческим и потусторонним миром разрушилась стена. От нашей цивилизации остались лишь осколки, да и они существуют только потому, что сверхъестественное не успело полностью поглотить планету. Люди пытаются жить бок о бок с нечистой силой и всё ещё гадают о причинах конца света. И лишь в Приречье знают правду.

Но даже к такому сложному и непривычному миру можно приспособиться. Конечно, если никто не будет мешать.

Добро пожаловать в Новую Эпоху.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	47
Глава 4	65
Глава 5	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Екатерина Боровикова

Вырай. Новая эпоха

Автор обложки – Udsha.

Пролог

Системный блок издавал воюющие звуки уже которую неделю, на клавиатуре западали некоторые кнопки, а монитор раздражал россыпью битых пикселей. Максим вздохнул – Герман делал всё, что мог, но у всякой вещи есть свой срок службы. Оставалось лишь надеяться на то, что компьютер проработает ещё несколько месяцев, а зимой во время большого рейда найдутся новые детали.

«Классификация неполная. Кроме того, некоторые выводы могут быть ошибочны, а описания существ – предвзятыми. Но я надеюсь, что в будущем данный труд послужит хорошей отправной точкой для исследователей».

Сложно быть первопроходцем.

Работа была кропотливой и интересной. Максим систематизировал, преобразовывал в связный текст те сведения, что накопил за долгое время. Нарботки лежали рядом – кипа рукописных листов, фотографии, схематичные рисунки и записи бесед с доброжелательно настроенными жителями Вырая. Биолог создавал очередную книгу.

«Царство Postmortem (Постмортемы) необходимо разделять на три Типа: Superius (Высшие), Inferior (Низшие) и Nebulosus (Туманники). На данном этапе выяснить, как появляются Высшие, не удалось. Одно понятно – они на порядок сильнее и могущественней представителей Типа Низ-

шие. По отношению к людям условно их можно разделить на Негативистов, Позитивистов и Нейтралов».

Максим задумался. О сути Высших он ничего не знал. А туманники и вовсе оставались загадкой, хотя в Прире-чье научились их использовать. Но, может быть, это они, та-инственные, невидимые мелкие существа, использовали лю-дей. Да и существа ли это, не могли сказать даже домовые.

«Тип Низшие можно разделить на два Класса: Spumaе (Нечисть) и Immortui (Нежить). Нечисть характеризуется на-личием души, Нежить – её отсутствием. Особо стоит упо-мянуть всевозможных фантомов – хоть они и относятся к Spumaе, тела у большинства не материальны».

В кабинет протиснулся Мирон:

– Пап, ты прочитал?

– Что? А, да. Конечно, сынок. – Макс порылся в бумагах и отыскал обычную ученическую тетрадь, на обложке которой было написано: «Интервью со странниками».

– И как? – Десятилетний Мирон отлично знал, что отец, в отличие от мамы и Кости, не будет хвалить просто так. И подсмеиваться, как Настя, тоже зря не будет. Парнишка ждал правдивое, обоснованное мнение о своём первом литератур-ном опыте.

– В среднем не очень.

Мирон насупился.

– Подожди, сынок, я не договорил. Садись.

Мальчишка залез в кресло, поджал ноги и приготовился

слушать пояснения.

Понимаешь, сама по себе идея очень хорошая. И ты записал довольно интересные рассказы. Но это, прости, читать невозможно! У тебя только на первой странице двадцать шесть ошибок!

Мирон стал пунцовым. Почему-то, когда ругала мама, становилось обидно. А вот папины претензии вызывали жгучий стыд.

– Давай договоримся, – продолжил Максим Андреевич, – ты пока прекращаешь общаться с чужаками, не пристаёшь к искателям, не лезешь с расспросами к Марине Викторовне, а изучаешь правописание и читаешь книги из сельской библиотеки. Через год-другой мы вернёмся к твоей тетради. Согласен?

Сын молча кивнул. Мужчина спрятал «Интервью со странниками» в ящик стола и успокаивающе добавил:

– Первый вариант «Путеводителя» я вообще никому не показывал, даже твоей маме. Стыдно было. А сейчас почти каждый, кто к нам забредает, просит экземпляр. Так что всё в твоих руках, главное, не опускать их.

Глава 1

На планете существуют локализованные очаги стандартного человеческого ареала обитания, в которых физические и химические законы не изменились. В основном это кварталы и даже целые районы в крупных населённых пунктах, таких как Москва, Мумбаи, Нью-Йорк, Дели, Екатеринбург, Барселона и т. д. На момент написания справочника известно 1927 таких мест. Но встречаются и небольшие участки, например, маяк и приблизительно 120 квадратных метров вокруг него на Австралийском побережье; фермерское хозяйство площадью 10 га в штате Айова; автозаправка на трассе М-8, Россия и другие. И большие, и маленькие островки прошлого существуют благодаря тому, что процесс объединения миров не был завершён. К сожалению, в большинстве случаев люди в подобных потенциальных поселениях отсутствуют.

М.А. Бондаренко, «Путеводитель по современному миру».

Соня открыла глаза и прислушалась. Несколько секунд тишины, и снова жалобное, еле слышное:

– Хромушка! Проснись, пожалуйста!

Софью Кривицкую одиннадцать лет назад никто не называл Хромушкой. Родители предпочитали ласковое «Сонечка», бабушка важно величала Софочкой. А мальчишки в

школе предпочитали коверкать на все лады фамилию. Своё прозвище Соня приобрела чуть позже, когда сломанные малая и большая берцовые кости левой ноги неправильно срослись.

Шептать прекратили, но в соседней квартире послышался тихий, обречённый плач.

Квартирами называли клетушки, на которые был разбит второй этаж в приходском доме. Дверями служили старые шторы, простыни, плащ-палатки, а стенами куски фанеры и доски – этого добра успели натаскать со строительного рынка в первый год. Тогда ещё был жив отец Павел, горстка горожан искала спасение в церкви, и, идя на огромные риски, пыталась обеспечить приемлемые условия существования.

Соня приложила ухом к «стенке». Так и есть – плакала Верочка. Значит, и звала тоже она.

Кривицкая не раздумывала – отбросила полог своей квартиры и, прихрамывая, поспешила на помощь.

Чтобы не наступить на девушку, Софья у входа опустилась на колени и поползла вперёд, шаря рукой. Практически сразу наткнулась на голую ногу.

– Соня, ты? – Прошептала Вера.

– Я, конечно. Чего ревёшь?

– Сонечка, он не шевелится, с вечера!

Софья, ни слова не говоря, подползла ближе, на ощупь нашла гигантский живот, прильнула к нему ухом.

Вера даже дышать перестала, лишь повернулась так, что-

бы подружке было удобней.

Долгое время, почти вечность, ничего не происходило. Потом под щекой словно прокатилась упругая волна.

– Ты почувствовала?

– Нет, – всхлипнула Верочка.

– Сейчас, – пробормотала Кривицкая и стала с мягким нажимом гладить живот.

– Ой! Толкнулся! Хромушка, толкается!

– Тише ты. Перебудишь всех. – Пробурчала Соня. Руку она убирать не спешила. Зарождение жизни всегда её восхищало. Новый человечек, недовольный ночными поглаживаниями, возмущённо пинал маму изнутри, требуя тишины и покоя. Вера снова плакала – теперь от облегчения.

– Ты что ела сегодня?

– Как и все – на ужин ничего, только крапивный отвар попила, а днём тарелку похлёбки. Ну, и матушка-настоятельница разрешила немного увеличить рацион, потому что скоро рожать. Так что я ещё полбаночки тушёнки получила.

– Ты просто объелась, глупая. Вот малыш и заснул крепко. Он ведь тоже довольно плотно покушал.

– Побудешь со мной? А то я так испереживалась, что до утра не засну. Страшно.

Ни слова не говоря, Софья оставила в покое будущего крестника и легла рядом с подругой. Та уткнулась Кривицкой носом в подмышку и практически сразу мирно засопела.

Хромушка уходить не спешила. Тепло Верочки, её ров-

ное дыхание умиротворяли. Очень хотелось верить, что роды пройдут прекрасно, соседка быстро поправится, малыш родится здоровым, и вообще. Всё будет хорошо.

Но оптимизмом Соня не отличалась. В Приходе почти не было детей – скученность, отсутствие врачей и лекарств, плохое питание делали своё дело – даже если у женщины и получалось выносить ребёнка до положенного срока, никто не мог дать гарантии, что она и малыш выживут в таком рискованном мероприятии, как роды. Да и позже ситуация не улучшалась – встречу с Богом могла обеспечить банальная простуда.

Девушка решила рискнуть. Верочка вроде бы спала крепко, Приход сонно молчал, и свидетелей можно было не бояться.

Софья снова положила руку на живот беременной. Не торопясь, *просмотрела* будущую мать.

«Сердечко работает как часы. Почки... почки не очень. Непонятные какие-то пятна, тёмные. Но ничего серьёзного. Может, это из-за двойной нагрузки. Голова... сосуды вроде нормальные, ровные, нигде никаких странных утолщений».

Шаг за шагом Соня проверяла, всё ли в порядке у Верочки со здоровьем. Исправлять поломки, лечить девушка не умела. Но видеть людей насквозь, в буквальном смысле, могла. И сама не знала, как это получается.

Истощение, как у всех жителей прихода, проблемные почки, воспалённый кишечник, по мнению Кривицкой, из-за

плохого питания, и всё. Вера вполне могла справиться с родами.

Оставалось самое интересное. И страшное. Никогда ещё Софья не просматривала детей до их рождения.

Матка оказалась довольно интересным органом. Она каким-то образом наглухо пресекала попытки рассмотреть, что происходит внутри. И чем сильнее старалась Кривицкая, тем сильнее становилась защита.

Это было неожиданно. Никто в приходе не мог противостоять способностям Софьи, кроме матушки Ксении и дьяконов, конечно. Ну, и тех людей, что неожиданно для себя и окружающих начинали чудить – читать мысли других, общаться с животными, зажигать свечи взглядом или передвигать предметы силой мысли.

«Интересно. Верочка – обычный человек, это я точно знаю. Почему же один единственный орган реагирует на меня точно так же, как Ксения целиком? Одно из двух – либо ребёнок в утробе матери под защитой Господа, и матушка-настоятельница тогда действительно Божья избранница, а я страшно грешу, сомневаясь в ней. Но тогда и все, кого сожгли на костре или изгнали, также были отмечены Творцом. Тогда как святость Аристарховой вяжется с убийством ей же подобных? Либо второй вариант – способность закрываться от меня имеет другую природу, может даже, биологическую, и все беременные мира могут противиться подобным осмотрам. Тогда при чём здесь Бог? В любом случае выходит, что

Аристархова мерзкая, лживая тварь».

Сделав такой вывод, Софья почувствовала глубокое удовлетворение. Она уже много лет люто ненавидела матушку-настоятельницу, поэтому очередной повод насладиться этим чувством пришёлся кстати. Жаль лишь, что никто в общине не разделял подобных идей. Соня в этом была абсолютно уверена.

Минут через десять девушка оставила подругу и вернулась к себе. Попыталась заснуть, но не получилось – мысли об Аристарховой не давали покоя. В конце концов, Соня засунула руку под кучу тряпья, служившую подушкой, и вытащила старые наручные часы – единственную вещь, оставшуюся от отца. Она холила их и лелеяла, надевала изредка и ненадолго – боялась ненароком поцарапать стекло или, что ещё хуже, потерять. Но каждый день заводила. Возможно, они давно перестали показывать точное время – проверить это Хромушка не могла. Весь приход уже несколько лет жил «по солнцу».

Циферблат зеленовато светился – как раз сегодня Кривицкая «выгуляла» часы на улице. До рассвета оставалось ещё больше полутора часов. Девушка тихонько выползла из квартиры.

Жизнь общины вертелась вокруг приходского дома. На первом этаже располагались трапезная, продуктовый и вещевой склады, кухня, а также карантинная зона. В карантине держали чужаков, пока настоятельница принимала реше-

ние – дать шанс человеку или отправить его восвояси. Карантинная зона когда-то была довольно многолюдным местом. Но затем количество странников стало стремительно уменьшаться. Последние годы чужие стучались в церковные ворота очень редко – жители Земли поняли, что за черту населённых пунктов лучше не выходить. На планете больше не существовало понятия «дорога». Решив собрать грибов в ближайшем лесу или посадить капусту на загородном поле, нужно было брать с собой все пожитки – назад никто не возвращался.

Пережив встречу с нечистой силой, избежав общения с расплодившимися хищниками, максимум, на что можно было рассчитывать, так это на выход к границе человеческой территории в случайной точке планеты.

При этом встреча с живыми людьми не гарантировалась. Например, «Родник Веры» находился в православном храме. До него ещё нужно было добраться сквозь город.

Сейчас в карантиннике сидел мужчина лет тридцати. Пришёл три дня назад, днём. Ночью ходоки никогда не появлялись. В этом были уверены все члены общины, но вот Хромушка обладала другой информацией.

Второй этаж был жилым. Квартиры, больше похожие на палатки из покрывал и стульев, которые Софья строила в детстве, оставляли свободным совсем немного пространства. Сейчас в Роднике жило меньше ста человек, некоторые стенки давно разобрали, увеличив площади клетушек,

но всё равно было очень тесно.

Сегодня Кривицкая припадала на ногу особенно сильно – конечность ныла, предсказывая перемену погоды в ближайшие часы. Сняв обувь, чтобы меньше шуметь, девушка шла в сторону лестницы. Передвигаться приходилось по памяти, вытянув руку вперёд, чтобы не наткнуться на какое-нибудь препятствие – на жилом этаже до сих пор сохранились жалюзи, их каждый вечер закрывали по особому указанию ма-тушки-настоятельницы. Темнота была густой и наваристой.

Дойдя до лестницы, Хромушка обернулась – не разбудила ли кого-нибудь, не смотрят ли удивлённо на гуляющую по ночам соседку. Удостоверившись, что в такой тьме её вряд ли разглядят, ушла наверх.

На третьем этаже штор не было, в вытянутых вперёд руках необходимость отпала. Софья обулась и двинулась вперёд.

Здесь находились библиотека, лазарет и «Музей памяти». В музее хранились вещи, напоминавшие прихожанам о прошлой, нормальной жизни, а также предметы и фотографии умерших как до, так и после Катастрофы. Место отцовских часов было здесь, но Соня не могла выставить на всеобщее обозрение частичку своей души. Заходили сюда редко – никому не нравилось беречь старые раны.

В лазарет помещали заболевших. Поскольку достать лекарства в городе удавалось очень редко, основу лечения обычно составляли молитвы. Помогало плохо. Проходя мимо пустующих сейчас коек, Хромушка в который раз со зло-

стью подумала, что её дар мог бы вполне пригодиться людям. Но рассказывать о нём нельзя было категорически. Невзирая на его гипотетическую пользу, Софьюшку могли отправить на костёр. Творить чудеса в Роднике Веры имели право лишь Ксения Аристархова и её дьяконы.

«Ведь их способности – Божий промысел, а проявляющиеся умения остальных – от Дьявола. Ненавижу».

Почувствовав, как злость подкатывает к горлу, Соня на пару минут остановилась, чтобы успокоиться. Нельзя, нельзя терять контроль. Хотя последние три месяца сдерживаться, не сверлить убийственным взглядом Аристархову, не хамить, вести себя, как обычно, становилось всё трудней.

Подойдя к дальней двери, Хромушка достала из кармана длинной юбки ключ, с трудом провернула его в замке, а затем зашла в свою вотчину. В церкви ещё до Катастрофы имелась богатая библиотека, да и позже люди тащили в храм любые найденные газеты, учебники, журналы. Отец Павел, увидев в девочке любовь к печатному слову, отрядил её заведовать читальней. Соня гоняла крыс и мышей, следила за порядком и за тем, чтобы члены общины бережно обращались с книгами.

Правда, уже через три дня после смерти батюшки Аристархова запретила людям выходить за ворота. Во имя безопасности. Теперь город могли посещать лишь она сама и дьяконы. Пять человек не могут обеспечить приход всем необходимым, и книги стали нужны не для чтения, а для

других целей.

Нынешние обязанности девушки предполагали разделение книг на важные и неважные. Неважные шли на затыкание щелей, розжиг костров, из них делали кульки для сушёной травы и многое другое. Каждую книгу Софья отстаивала с боем и, естественно, всякий раз проигрывала. Художественной литературы, учебников, газет практически не осталось. Лишь религиозные тексты были неприкасаемы.

В библиотеке пахло мышами. Хромушка прошла в дальний угол – там, за стеллажами, находилась маленькая дверь – второй выход на крышу. Поскольку имелся ещё и первый, над лазаретом, ключ к конкретно этой дверце особо не искали.

Никто, кроме Софьи, не знал, что ключик хранится в одном из книжных шкафов, на верхней полке.

Это была её тайна. Иногда, в бессонные ночи, Соня выбиралась наверх, смотрела на звёзды и вспоминала ту жизнь, что резко исчезла одиннадцать лет назад. Девушке тогда было лишь двенадцать, но прошлое не покрылось пылью, не стёрлось и не исчезло. Она прекрасно помнила, каково это – жить, не боясь каждую минуту, есть досыта и спать вдоволь. Она помнила отца и мать, младшую сестру, школу, все свои мечты и надежды. И день, когда всё перевернулось с ног на

ногу, тоже.

Кривицкая проверила мышеловки. Одна жертва имелась и даже всё ещё подёргивала лапками. Держа грызуна за хвост, Хромушка наконец-то вылезла на крышу.

Полёвка больше не трепыхалась, и Софья положила её на покрытый лишайником шифер. Девушка очень надеялась, что та, для кого предназначалось угощение, сегодня появится.

А пока крыша была в её единоличном пользовании. Соня села и стала рассматривать город. Здание прихода было не слишком высоким, но жилые кварталы начинались чуть поодаль и не мешали видеть окрестности – автомобильную стоянку перед строительным рынком, крыши торговых павильончиков, тротуары и дорогу. За одиннадцать лет природа взяла своё, и кое-где асфальт уступил место молодой лесной поросли.

Там, за церковной оградой, кипела жизнь. Жаждающие крови уродливые создания, когда-то бывшие людьми, рыскали вокруг храмовой территории, не делая, однако, попыток прорваться внутрь. Стая каких-то существ, полуженщин-полуптиц, неторопливо летела на восток. Маршрут их пролегал прямо над церковью, но Соня даже не попыталась спрятаться – она знала, что ничего страшного не случится. И верно – не долетая до ограды пары десятков метров, сверхъестественная стая синхронно повернула и облетела церковь по широкой дуге.

На строительном рынке внезапно вспыхнул свет, раздалась громкая музыка. Деталей отсюда было не разобрать, но по дёргающимся теням, хохоту и радостным визгам стало понятно, что кто-то устроил стихийную дискотеку.

Софья прекрасно знала, что безудержно веселятся отнюдь не люди. На мгновение стало завидно – «хозяева планеты» живут за забором, питаются вздувшимися консервами, вычёсывают друг другу вшей и умирают от родовой горячки. А совсем недалеко наслаждаются жизнью приспешники Тьмы, без зазрения совести занявшие место человека. Днём они практически не были заметны – то ли уходили подальше от Храма, то ли отсыпались. А вот ночью Соня не раз наблюдала разгул нечистой силы.

Мимо ограды прошла стая волков. Сидя на крыше, диких животных Хромушка видела так же часто, как и монстров. Звери уже забыли, что людей нужно бояться и, в отличие от чудовищ, не сторонились церкви. Поэтому красивый забор из витых металлических прутьев был укреплён досками, шифером, фанерой и прочими подручными средствами.

– Почему так? Почему мы здесь, а они там? – Пробормотала Софья. – Может, это здесь конец света, а там – начало новой жизни?

Обмахнув волной воздуха, на крышу бесшумно приземлилась сова.

– Ур-р, – сказала она.

– И тебе привет, – прошептала Хромушка старой знако-

мой, прилетавшей практически каждый раз, когда девушка выбиралась на крышу, – я соскучилась. Где была, что видела?

Птица, конечно, не ответила, а склонила голову набок и с интересом уставилась на мышиную тушку.

– Это тебе. – Соня подтолкнула грызуна к лапам птицы. – Приятного аппетита.

Сова посмотрела на девушку своими круглыми глазами, моргнула, раскрыла клюв, выронила на крышу несколько раздавленных ягод земляники и принялась трапезничать.

Это было не слишком приятное зрелище, поэтому Хромушка отвернулась. Земляника предназначалась ей – птица часто притаскивала подарки. Хоть у ягодок и был неприглядный вид, девушка решила не привередничать и съела угощение.

В центре двора располагалась церковь. Купола её немного утратили блеск, штукатурка кое-где обвалилась, но здание всё равно вызывало благоговейный трепет. Даже у Сони, которая, как ей самой казалось, утратила веру в тот самый день, когда погиб отец Павел.

У западной стороны храма пригорюнилась колокольня. Доступ в неё был закрыт – матушка Ксения объясняла это святостью места. Именно над крышей колокольни священника настигла смерть. Да никто особо и не рвался – периодически кровь на стенах непостижимым образом обновлялась, напоминая о случившемся. Дьяконы сняли колокола много

лет назад и перенесли их в церковный подвал, оставив один, не очень большой. Для него соорудили перекладину перед церковью, исправно звонили, но радостных переливов, которые знает любой православный человек, члены Родника давным-давно не слышали.

Северную часть двора занимали приходской дом, котельная, колодец и сарай, в котором когда-то держали кур и корову. Уже лет пять животных в общине не было.

Вся остальная территория использовалась с максимальной пользой. Львиную долю занимал огород. К сожалению, с ним общине не везло – морковь и картофель с каждым годом становились всё мельче, стручки фасоли часто оказывались пусты, а тыква не завязывалась. Специалиста сельского хозяйства среди жителей прихода не было, и никто не знал, как улучшить качество и количество урожая.

Дошло до того, что бережно собирали крапиву и лебеду. Затем сушили и использовали в пищу. Это были единственные растения, комфортно чувствовавшие себя на истощённой почве.

Сова закончила обедать, шагнула к девушке и благодарно клюнула в предплечье.

– Не за что, дорогая. Когда-нибудь сочтёмся.

Мужчины дежурили во дворе каждую ночь в соответствии с установленным графиком. Вот и сейчас у калитки сидели Иван и дядька Тихон, резались в карты и тихо переговаривались. С такого расстояния можно было разобрать лишь от-

дельные слова – «караси», «ушица» и «воблер¹». Иван всё больше молчал, а дядька очень эмоционально размахивал руками, вздыхал и горестно качал головой. Видимо, скучал по рыбалке. При этом ни один, ни другой не повышали голоса, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания с той стороны забора.

– Совушка, как думаешь, будет ли лучше? Или это глупые надежды? Может, Аристархова права, и мы одно из немногих сообществ, где люди сохранили человеческое лицо? Смотри – Ваня и дядя Тихон вполне мирно ностальгируют по рыбной ловле, у нас есть еда, хоть и скудная, вода, хоть и в ограниченном количестве. Мы не скатились в разврат, мы ухаживаем за своими стариками, воспитываем детей. Вспомни только, что рассказывают странники. И как они готовы целовать руки Ксении, когда им разрешают остаться.

Сова раскинула крылья и издала резкий, пронзительный крик, от которого по спине Софьи побежали мурашки. Дежурные по воротам всполошились, но лишь слегка – поняв, что слышат голос какой-то ночной птицы, быстро успокоились. Пернатая вновь превратилась в пушистый столбик и презрительно уставилась на собеседницу.

– Да, да, ты права, конечно. Глупость я сказала. Никто не знает, по каким критериям настоятельница отсеивает новичков. Может, она специально выбирает тех, кто жил в страшных условиях. Чтобы остальные ужасались и радовались то-

---

¹ Приманка для рыбы из несъедобных материалов – дерева, пластика, металла.

му, что имеют.

Догадка оказалась такой логичной, что Кривицкая ушла в себя и не сразу отреагировала на посторонние звуки.

Стучали в ворота – громко, настойчиво. И кричали что-то на незнакомом языке с просительной интонацией. Иван встрепнулся и побежал в церковь – в ней жили дьяконы и матушка Ксения. А дядя Тихон неторопливо открыл ящик, на котором до этого сидел Ваня, достал двухлитровую пластиковую бутылку и двинулся к забору.

Софья не раз уже видела эту процедуру в дневное время – ходока просят просунуть ладонь в специальную щель, для проверки. Если святая вода не причиняет вреда, значит, в обитель просится настоящий человек. Если гость отказывается от тестирования – его проблемы. Даже разговаривать не станут, не то что внутрь пускать.

Три месяца назад Кривицкая вот так же сидела наверху, нежничала с совой и скучала по давно прошедшим дням. И точно так же кто-то постучался в ворота. Все смутные эмоции, вся необъяснимая ненависть к настоятельнице и её помощникам в ту ночь получили объяснение. Хромушка была уверена – сегодня она увидит то же самое. От церкви уже спешила элита «Родника веры».

Чернокожие гости плакали и смеялись одновременно.

Они не знали, как выразить радость от встречи с людьми, поэтому то пытались дотронуться до жителей храма, то упасть на колени. Соня наблюдала за происходящим, поэтому не сразу заметила, что Иван из церкви не вышел. И дьякон Данила не появился. В прошлый раз его тоже не было, может, поэтому к нему единственному Хромушка не испытывала жгучей ненависти.

Вопросы гостям задавал Жорж – беседа шла на иностранном языке. Аристархова что-то уточняла, дьякон переводил, Дарья, не обращая внимания на ходоков, следила за окнами приходского дома. Софья, зная по прошлому разу, что именно так и будет, с самого начала легла на живот и постаралась слиться с крышей.

Больше всех радовался дядька Тихон – он с таким восторгом смотрел на новичков, что не заметил, как к нему со спины подошёл Сергей. Мягкая, еле заметная вспышка в ладонях дьякона, и Тихон молча завалился набок. Сергей едва успел подхватить дежурного, потом оттащил к воротам и бережно усадил на лавку.

Чужаки, увидев такое обращение с пожилым человеком, поубавили восторги и стали отвечать довольно сбивчиво.

– Бегите, придурки. Валите отсюда, пока не поздно, – пробормотала Софья.

Конечно, её не услышали. Ходоков постигла участь дядьки. Волнение требовало выхода, и девушка заговорила с собой:

– Вот сволочь – он, оказывается, сразу двоих одним махом усыпить может. Как эти бедняги рухнули, видела?

Сова клюнула Хромушку.

– Ишь, правильная какая нашлась. Что ты предлагаешь – спуститься туда и заявить: «Как вам не стыдно, весь Приход на вас равняется! Не смейте убивать невинных людей!» Так, что ли? Думаешь, у них рука дрогнет со мной такое же проделать?

Птица виновато нахохлилась.

– То-то же.

Дарья и Ксения перебирали содержимое рюкзаков. Пока женщины развлекались мародёрством, Сергей и Жорж сходили в церковь, вернулись, таща Ивана – такого же спящего, как Тихон и ходоки. Аккуратно усадили парня рядом с дядькой. Сергей обшарил карманы чужаков и что-то переложил к себе за пазуху.

– Скоро. Совушка, совсем немного осталось! – Соня почувствовала, как по щекам текут слёзы бессилия. Было желание уйти, но она не рискнула, боясь привлечь ненужное внимание. Три месяца назад её чуть не рассекретили, когда она, увидев происходящее, уползала с крыши.

Обыск закончился. Пока Ксения, раскинув руки, что-то напевала, Жорж, Дарья и Сергей потащили беспамятных гостей к колокольне.

– Они ведь давно это проделывают, сволочи. Только не могу понять, зачем. В прошлый раз не успела выяснить.

Неужели просто так?

Уже через три минуты ходоки висели над колокольной. Прямо в воздухе, как когда-то отец Павел. Аристархова подошла к зданию вплотную, а вот дьяконы, утратив всякий интерес к происходящему, вернулись в храм. Дверь звонницы открылась, появилась тёмная фигура в длинном балахоне с капюшоном и махнула рукой. Пленники на миг озарились лиловым светом и исчезли. На их месте осталась лишь светящаяся пыль, которая неспешно кружила в воздухе, оседая на крышу и стены. Завтра утром люди увидят «обновлённую кровь батюшки Павла».

Аристархова упала на колени, прикоснулась губами к подолу балахона, поднялась, несколько раз униженно поклонилась и торопливо ушла в церковь. Софья беззвучно плакала, размазывая слёзы по лицу.

Неожиданно загадочная фигура сделала пару шагов к приходскому дому и приветливо помахала. Сердце Хромушки пропустило несколько ударов. Сова бесшумно взлетела и растворилась в темноте. Незнакомец послал девушке воздушный поцелуй и исчез.

Кривицкая ещё долго сидела на крыше – не могла двинуться с места от ужаса.

Глава 2

Чёрт (Diaboli). Разумен. Паразит. Царство Постмортемы, Тип Низшие, Класс Нечисть, Отряд Многоликие, Семейство Демоны, Род Черти, Вид Чёрт полесский.

Наиболее хорошо изученную особь на момент написания книги можно отнести к подвиду Чёрт полесский свободный. Обычно представители Рода Чертей подчиняются более высокоорганизованным существам, но встречаются индивиды, способные существовать без покровительства Хозяина.

Может проникать в потаённые мысли человека и извлекать полезную для себя информацию. Провоцирует на совершение глупых, плохих либо опасных поступков с целью последующего завладения душой. Причина данного поведения пока недостаточно изучена.

Человек, способный не поддаться на провокацию, удостоивается уважения и общения на равных. Но это не значит, что Чёрт полесский оставит попытки добиться своего.

М.А. Бондаренко, «О сверхъестественных существах».

Утро началось со стандартной процедуры – Иван, ночной дежурный, в полутьме добрался до окон, открыл все жалюзи и громогласно заявил:

– Подъём, братья и сёстры! Возблагодарим Господа за новый день!

Парень дал людям несколько секунд, а затем так же громко пропел:

– Во имя Отца, и сына, и Святаго Духа, Аминь!

Нестройный хор голосов вторил ему из квартирнок. Затем в дальнем углу выстроилась очередь к туалету – использовать его разрешалось только утром и только самым нетерпеливым – городская канализация всё ещё работала, а вот водопровод давно пришёл в негодность. Иван повернулся к окну и с улыбкой стал смотреть, как розовеет небо. После сегодняшнего ночного бдения совершенно не хотелось спать, и парень решил, что Всевышний ниспослал ему силы для свершения чего-то важного и благодатного.

Что случилось у ворот, Ваня не помнил.

Через пять минут люди столпились в «коридорах», и в приходском доме зазвучала всеобщая утренняя молитва.

– Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие моё аз знаю, и грех мой предо мною есть выну...

Софья молилась вместе со всеми, но мыслями была во дворе. Если точнее, возле колокольни. Она представляла, как жители общины, увидев «кровь батюшки», будут радоваться, и ей становилось очень горько.

– Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом Владычним утверди мя...

Когда молитва закончилась, Иван уже стоял у лестницы. Он прокашлялся и спокойно сообщил:

– В общем, такое дело. Утром никаких дел не планируйте – матушка Ксения чужака выпускает. Будем провожать за ворота, ну, или знакомиться. Сами знаете. И ещё, братья и сёстры – сегодня ночью колокольня обновилась.

По толпе прокатился восторженный вздох. Парень повысил голос:

– Настоятельница очень просила передать, чтобы вы держали себя в руках – чудо Господне не терпит излишних восторгов. Особенно тебя касается, баба Валя!

– А что я?! – Возмутилась скрюченная бабулька.

– А ничего. Кто в прошлый раз пытался замок вскрыть, чтобы до верха добраться и губами к святой крови приложиться? Матушка сказала, что в этот раз епитимьей не отделаешься!

Баба Валя недовольно пожевала губами, но промолчала. А вот остальные захихикали:

– Ванька, ты из мужиков самый молодой, присмотри, если опять полезет. А то кто нам старые шмотки чинить будет, если её на костёр отправят?

– Она ж после того, как после болезни оклемалась, всё боится, что помрёт раньше времени. И не такое сотворить может!

Верочка призвала к общей совести:

– А сами? Все колокольне поклоны бить ходят. А ведь ма-

тушка Ксения не раз предупреждала – отец Павел святой, кровь его – наша защита, а вот камню молиться грех большой. Отстаньте от бабушки Вали!

Старушка благодарно посмотрела на беременную, остальные устыдились, и день потёк своим чередом.

Мужчина выглядел довольно странно. Нетипично. Вместо обносков – широкие полотняные штаны с огромным количеством карманов, свободная светло-серая рубаха со шнуровкой на груди и высокие ботинки. Настоящие, прекрасно сохранившиеся ботинки. У Софьи в памяти всплыло название «берцы», но она не была уверена, что это именно они. Очень хотелось рассмотреть обувь поближе, но чужак стоял на крыльце церкви, поэтому любопытство удовлетворить пока было нельзя.

– И я звезданул скотину по башке веслом. Он повернулся, оскалился, руки растопырил, жало из пасти вылезло, ну, я веслом ещё раз, уже по морде.

Прихожане слушали, раскрыв рты. Даже дьяконы позабыли обо всём и внимательно следили за повествованием. Сергей так и вовсе сжимал кулаки и дёргал плечами в особо эпичных моментах.

Обычно странники мямлили, смущались и старались как можно суше рассказывать о прежней жизни. Аристархова же

считала, что это необходимо – новичок, проговаривая свои горести перед будущими братьями и сестрами, избавляется от груза на душе. А жители общины узнают о происходящем «за забором» из первых уст.

Гость же абсолютно не стеснялся толпы. Хромушка пребывала в полной уверенности, что мужчина наслаждается вниманием слушателей. Хотя рассказывал он жуткую историю.

– Ну, пока оно в кучку глаза собирало, я достал топор и башку отрубил. Но было поздно. Они весь город заполонили.

– Какой красивый мужчина! С такого Господь мог бы ангелов лепить! – Жарко прошептала Верочка.

Соня торопливо оглянулась – не слышал ли кто. Конечно, подобные слова могут списать на предродовое состояние, но богохульствовать о том, что Господь создал Ангелов после человека, да ещё по подобию мужчины, Верочке явно не стоило. Вроде, никто не услышал.

– Чего молчишь? Не нравится? – Подруга не унималась.

Незнакомец был высок и широкоплеч. Отсутствовала измождённая худоба – общий признак прихожан и чужаков, которых Аристархова пускала в церковь. Но и горы мышц, характерные для дьяконов, отсутствовали. Жилистый, сильный, уверенный в себе. Насмешливые глаза. Вот только три длинных неровных шрама на коротко стриженной голове немного пугали. Да и лицо – грубое, скуластое, словно вырубленное топором, нельзя было назвать красивым. Щетина

придавала мужчине вид обаятельного бандита с большой дороги. Но с Веркой Соня решила не спорить.

– Нравится. Успокойся, а то услышит ещё кто.

– А Вероника как раз на охоту ушла, когда эта шняга началась. В общем, ждал я, ждал, не дождался и понял, что пора валить – лучше сдохнуть за Туманом, чем превратиться в чей-то обед. И пошёл, куда глаза глядят. Вот только муторно на душе, что сеструху там бросил. Даже не знаю – жива или нет. И не узнаю никогда.

История была страшная. В кои-то веки матушка Ксения выпустила в общину человека, жившего в нормальном месте. Этот самый Вячеслав обитал в бывшем военном городке. Безопасность и спокойствие, почти весь населённый пункт в распоряжении людей, бункеры, склады с провизией и вещами, защищённый от внешних угроз источник воды. У них даже школа была. Навыков и оружия хватало, чтобы сдерживать приспешников Тьмы. Но с месяц назад один из жителей в ссоре убил жену и выбросил труп в Туман, чтобы соседи не узнали. А она вернулась обновлённой – жестокой, голодной и забывшей о том, каково это, быть человеком. И привела с собой новых друзей, которые оказались равнодушны к пулям. Поселение всего за двое суток обезлюдело.

Софья прекрасно поняла, почему Вячеслав получил возможность остаться – его история показывала жителям Родника, что даже тренированные люди пасуют перед потусторонней угрозой. Безопасно только здесь.

Матушка Ксения вышла из толпы, поднялась на крыльцо и ласково улыбнулась новичку:

– Спасибо за рассказ, Вячеслав. Мы видим, что ты человек порядочный, много переживший. Уверены, что к нам тебя привёл Господь.

Аристархова выглядела практически так же, как и все прихожане – худая, одетая в старую, потрёпанную одежду. Но отличия были, и они всегда раздражали Хромушку.

Худоба не сопровождалась анемичностью и чёрными кругами под глазами. Одежда чистая, заштопанная, подобранная по размеру. Волосы собраны в узел на затылке – остальные женщины, как и мужчины, периодически стриглись налысо, борясь со вшами. Ногти на руках аккуратные, без чёрных ободков. Обувь настоящая, хоть и заношенная, а не тапочки из лоскутков, которые вязала для всей общины подслеповатая баба Валя.

– Ну, и вам спасибо за приют. – Пожал плечами мужчина.

– Не спеши, брат мой. Мы ещё не решили, можно ли тебе остаться. Возможно, мы снабдим тебя чистой водой, небольшим количеством еды, благословим и отправим восвояси. – Матушка настоятельница с той же ласковой улыбкой покачала головой и виновато улыбнулась. Она была сама доброта и сочувствие: – Пойми, Вячеслав...

– Можно просто Слава. – Доброжелательно перебил ходок. Соне показалось, что слова Ксении совершенно не расстроили и не испугали новичка. Неужели глава общины не

видит, что этот молодой мужчина не похож на остальных, запуганных и уставших от вечной борьбы за выживание?

– Пойми, Слава, здесь нет места греху. Эту обитель освятил сам Господь, и мы надеемся, что благодаря Роднику Веры рано или поздно человечество избавится от тьмы в душе и сможет вознестись к трону Его. А, возможно, и очистить Землю от Скверны. Мы не можем позволить себе пускать сюда тех, кто не соответствует.

– Я понял, понял, матушка. В Бога верую, Библию прочёл, молитвы выучил. Готов к экзамену.

И началось. Сначала вопросы задавала сама Аристархова. Затем наступила очередь дьяконов, а потом и простых прихожан. Слава прекрасно справлялся – Библию не цитировал, но близко к тексту отвечал. Видно было, что серьёзно подошёл к делу.

Под конец Сергей вынес на крыльцо небольшой железный бочонок, а Жорж раздал прихожанам по два лоскута ткани – один белого цвета, другой – красного.

– Все знают обычай, но тебе это в новинку, поэтому объясню. Бочонок будет стоять здесь до заката. Каждый член общины бросает в неё один из лоскутков. Белый – остаёшься, красный – уходишь с рассветом. Весь день здесь будет дежурить Данила, наш дьякон, чтобы следить за честностью голосования и собирать неиспользованные кусочки ткани. Это чтобы ты не поддался искушению и не подтасовал результаты. – Ксения вновь улыбнулась, давая понять, что порядоч-

ный человек на такое неспособен, и никто от Вячеслава такого не ждёт, но традиция есть традиция.

– Понятно. Хорошая система. – Кивнул Слава и спросил: – А чем можно заняться, пока моя судьба решается? Молиться?

– Ну, почему же сразу – молиться. Софьюшка, подойди сюда.

Кривицкая нацепила на лицо благожелательную улыбку и поднялась на крыльцо.

– Знакомься, брат Слава. Это наш библиотекарь, по совместительству архивариус. Она познакомит тебя с нашей историей, всё расскажет и покажет. Прошу только не торопиться, как видишь, у девушки небольшое увечье, она не может быстро передвигаться.

Соня едва сдержалась, чтобы не нахамить. Нога почти не беспокоила, бегала она побыстрее многих, а нарочитая забота и напоминание об убогости раздражали. Да и унизительно это было – человек ещё не считался своим, а ему уже сообщили о неполноценности одной из прихожанок.

– А вы, братья и сестры, можете заниматься своими делами. И не забудьте, что в колокольню нельзя заходить. Но, конечно, вы можете отдать дань уважения батюшке.

Люди сразу же забыли о новичке и поспешили за церковь – последний раз святая кровь обновлялась давно, три месяца назад, и члены Родника уже стали думать, что Господь их оставил. Каждый хотел убедиться, что ничего в их

жизни не изменилось.

– Пойдёмте. Я всё расскажу. – Софья спустилась с крыльца и направилась к приходскому дому – начинать следовало с музея.

– Давай на ты, дорогуша. Не надо выкать.

В ответ Софья пожала плечами и попросила в ответ:

– Тогда и ты не зови меня дорогушей. Софья Кривицкая, в народе Хромушка. Согласен?

– А то ж. Как скажешь, красавица.

«Братья и сестры! В это тяжёлое время мы, как никогда, нуждаемся в поддержке друг друга, в любви и самопожертвовании.

Случившееся – итог людской греховности. Но есть ещё шанс на спасение, ибо Господь оставил вас в живых, направив сюда, в обитель веры.

Он говорил со мной во время молитвы и указал путь, по которому я должен пойти, дабы вы могли положить начало новой, безгрешной эпохе.

«Раб мой, – сказал он, – найди ближайшее возвышение возле Дома Моего, и отдайся приспешникам Дьявола. Не бойся – коли сделаешь это, на веки вечные будет уготовано тебе место на Небесах. Не будет более ни жажды, ни горестей, ни желаний – лишь радость от близости с Отцом Тво-

им. Силы Тьмы, испробовав плоти праведника, ослабнут – земля вокруг освятится, и более ничто не сможет её осквернить».

Братья и сестры. С радостью в сердце я приношу себя в жертву, ради того, чтобы вы могли выполнить волю Его.

Молитесь, соблюдайте заповеди Господни. Плодитесь и размножайтесь, чтобы преумножить число истинных христиан.

Паства не может существовать без пастуха. Господь поведал мне, что Земля погрязла во грехе из-за мужчин. Поэтому теперь он обратил свой взор на женщину. Именно она, чрево людское, может спасти мир.

Ксения Аристархова теперь мать-настоятельница, служительница Церкви – так заповедал Господь наш. Её устами станет говорить Христос, почитайте её и следуйте её указаниям.

И спасётесь. Аминь».

Письмо бережно упаковали в целлофановый пакетик и повесили на стену в Музее Памяти много лет назад. Каждый в Роднике знал послание наизусть. И Кривицкая тоже, вот только она, в отличие от остальных, не верила, что это писал отец Павел.

– Интересное письмецо. То есть, ваш батюшка пожертвовал собой? А до этого разве совсем плохо было? Как я понял, он прекрасно со всем справлялся.

Только что Вячеслав прослушал краткий рассказ о том,

как после Катастрофы оставшиеся в живых горожане стремились в церковь за спасением, и батюшка впускал всех. Как не сразу поняли, что некоторые превратились в чудовищ – они помнили, кем были раньше, но плевать хотели на прошлую жизнь и мечтали лишь о крови. Как эти существа через несколько лет утратили сходство с человеком – город оказался заполнен страшными, уродливыми крылатыми созданиями, больше похожими на гигантских ночных мышей, чем на людей.

Как укрепляли церковную ограду, как прорывались с боем в магазины, жилые дома и милицейские опорные пункты – тащили в храм всё, что может пригодиться. Возвращались после таких походов не все.

Кривицкая хотела ответить стандартно, как положено – да, люди бились с Тьмой на последнем издыхании. Да, будущего община не видела. Благодаря жертве отца Павла и грамотной политике управления Аристарховой в Родник Веры пришли спокойствие и благодать.

Но Соня вдруг подумала, что неплохо было бы прекратить ненавидеть Ксению в одиночку, и решила заронить зёрна сомнения в этого человека. Мужчина не выглядел затравленным, готовым проглотить любую версию за банку тушёнки и крапивный отвар.

А ещё она не могла Вячеслава *просмотреть*. Причём его защита была не такой, как у сожжённых братьев и сестёр, а имела сходство с бронёй Аристарховой и дяконов – не плот-

ная завеса, а лёгкое покрывало. Было ощущение, что оно не внутри, а наложено снаружи, и его можно при желании убрать.

«Нужно что-то делать, что-то менять. Путь, которым идёт приход, может привести лишь в тупик. Мы выйдем здесь. Нужно, чтобы хоть кто-нибудь захотел думать своей собственной головой. А, возможно, и действовать. Я-то трусиха, всё равно ничего не смогу сделать».

Кривицкая суматошно пыталась придумать, как вернуть в беседу правду, чтобы не подставить себя, да и новичка заодно. А Слава в ожидании ответа медленно двинулся вдоль полок, на которых лежали вещи, принадлежавшие членам общины.

– Пожертвовал. Это все видели. Правда, были странности, но их матушка-настоятельница объяснила. – Соня сделала паузу. Дальше всё зависело от ходака. Если спросит, какие именно странности, она ответит. Аккуратно, взвешивая каждое слово. Если же человек не заинтересуется, то придётся забыть о революционных мыслях.

Вячеслав не подвёл:

– Какие странности?

– Да ерунда. Жил в то время в церкви журналист, Царёв, видно, профессия не давала покоя. Он после случившегося баламутил всех, факты всё какие-то сверял, вопросы задавал глупые. Он погиб через три дня после батюшки. Да ещё страшно так – прорвались волки чёрные во двор, не сразу

смогли остановить. Хороший был человек.

– А что он нарыл-то такого страшного?

Соня мысленно сосчитала до трёх, чтобы не сболтнуть лишнего. Царёв искал правду не один – ему во всём помогала хромая девчонка. Мужчина, как благородный человек, старался её не подставлять, поэтому о роли Сонечки никто так никогда и не узнал.

Захлопав ресницами, чтобы максимально походить на недалёкую жительницу религиозной общины, девушка стала перечислять:

– Во-первых. За день до трагических событий журналист подслушал один скандал. Ругались Аристархова и батюшка. Сначала слов было не разобрать – ругались в церкви. Но потом распахнулась дверь, Царёв едва успел в кусты сигануть, и из храма выскочила злющая, взъерошенная настоятельница. Хотя, конечно, тогда она была ещё простой прихожанкой. За ней вылетел отец Павел, очень, очень злой. Батюшку таким никто никогда не видел. Он схватил Ксению за руку и буквально зашипел: «Даю тебе сутки. Чтобы ты, чёрная душа, успела собрать свои вещи. Иди на все четыре стороны! Не смей никому рассказывать о своих идеях, не смущай людей. То, что ты предлагаешь, никогда не произойдёт здесь, в Божьем доме. Как можно было до такого додуматься?» Ксения вырвала руку, послала священника по матерному адресу и ушла. Отец Павел перекрестился, покачал головой, погрозил кому-то в сторону ограды и крикнул вдогонку

Аристарховой: «Ксения! Одумайся! Если за эти сутки вернёшься на путь истинный, Господь простит, а я и подавно! Тогда сможешь остаться!» Женщина в ответ показала средний палец, сплюнула и скрылась в приходском доме. Батюшка был очень расстроен. Стоял на крыльце ещё минут пять и лишь потом вернулся в церковь. Следовательно, вряд ли через несколько часов отец Павел записал Аристархову в святые и назначил главной.

– Обалдеть. То есть, вот эта вот мадамочка предпенсионного возраста с лучистыми глазками и сладкой улыбкой умеет матом крыть? Да ещё на священника? Прикол. – Вячеслав отреагировал не совсем так, как надеялась Соня. Слишком несерьёзно. Но и такой вариант был неплох. – И как ваша замечательная настоятельница разбила в пух и прах обвинения?

– Сказала, что Царёв преувеличивает. Да, они ссорились, но друг друга не оскорбляли. Поводом послужило предложение Ксении проводить службы на улице, чтобы Божья Благодать распространялась на горожан, которые превратились в монстров. А батюшка противился этому, считая, что молиться нужно в доме Божьем.

Соня прекрасно знала правду. Потому что подслушивал ссору не журналист. Она сама была свидетелем в кустах, но Царёв решил, что девочку подставлять не стоит.

– Ничего себе. А ещё что-нибудь?

– Не собираюсь я ерунду всякую повторять. – Кривицкая

решила, что на первый раз хватит. – Царёв давно на небесах, зачем прошлое ворошить?

– Ну да, ну да. – Хромушке показалось, что ходок разочаровался. – Ладно, я здесь посмотрел уже всё – грустное местечко, но нужное. Куда дальше?

– Пойдём, покажу библиотеку.

– А давай. Только ты так и не рассказала, как ваш священник умер. И почему все сразу поверили, что лучшее начальство – Ксения.

Они вышли из музея, прошли мимо лазарета – Соня решила, раз сейчас там нет никого, то и показывать не стоит, и зашли в библиотеку. Лишь усадив гостя на стул, Сонечка собралась с мыслями и стала рассказывать.

Письмо нашли в церкви. Прихожане собрались во дворе, снова и снова читая послание вслух. Софья тоже стояла в толпе – она в силу возраста понимала ещё меньше взрослых. На требование объяснить, что происходит, ведь именно её имя было упомянуто, Ксения Аристархова лишь пожимала плечами и уверяла, что ничего не знает.

Затем кто-то из мужчин завопил: «Вон он!» Прихожане в едином порыве глянули туда, куда показывал прихожанин.

Над крышей колокольни, прямо в воздухе, висел отец Павел. Полы рясы развевались, ноги беспомощно искали опору.

ру, руки суматошно двигались, напоминая крылья. Толпа в ужасе ахнула.

Священник не издавал ни звука. Люди побежали к звоннице, но не успели – батюшка взорвался. Кровавая взвесь, в которую превратился человек, вспыхнула лиловым светом, закружилась, а затем медленно осела на крышу и стены колокольни. Это было даже красиво, хоть и жутко. Кое-кто из женщин упал в обморок. Не успели прихожане осознать случившееся, как что-то произошло с Ксенией. Она упала на землю и забилась в припадке. Даша, стоявшая рядом, бросилась на помощь. Люди топтались вокруг, не зная, что делать – спасти женщину или бежать туда, где так страшно погиб священник.

Припадок закончился так же неожиданно, как и начался. Аристархова осталась лежать на земле.

– Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Отец и Спаситель ваш! – Громовой голос пронёсся над церковью. Встревоженная стая ворон с громким карканьем снялась с крыши приходского дома и улетела.

– Внемлите, ибо хочу донести благую весть. Поводырь ваш совершил великое деяние и нынче вознёсся. То же ждёт каждого из вас, кто будет идти праведным путём. Сия жена, лежащая средь вас без памяти, будет рупором моим. Её уста – мои уста. Её повеления – мои повеления. Да будет так, ныне и присно, и во веки веков!

Последние слова превратились в грохот, прихожане то ли

в ужасе, то ли в восхищении попадали на колени.

– Аминь! – Выдохнула толпа.

– Первые сутки Аристархова отнекивалась от свалившейся ответственности, а потом явила чудо. С тех пор матушке невозможно соврать – человек открывает потаённые мысли всего лишь на её просьбу. Господь говорил с ней, и она приняла свою судьбу. Нечисть с тех пор игнорирует наше убежище, ни разу никто не попытался напасть. Кроме того, Дарью и Сергея также осенила Божья благодать, чтобы у настоятельницы были помощники в святом деле. Даша может машину поднять безо всякой натуги, а Сергей сон насылат. Очень помогает, если человек болеет, например.

«А ещё он память стирать умеет. Но об этом никто не знает».

– Значит, у вас тут святости хоть отбавляй, надо же. – Насмешливость ушла из глаз Вячеслава, он встал, подошёл к окну и задумчиво уставился на прихожан, активно бьющих поклоны возле колокольни. – А остальные дьяконы откуда? И сколько их всего? Я, например, четверых видел.

– Четверо и есть. – Соня немного разочаровалась – она ждала более эмоционального отзыва. – Даша, Сергей, Жорж и Данила. Жорж француз, пришёл два года назад, а Данила с нами всего год.

– И что, они тоже Божьей Благодатью осенены?

Хромушка покачала головой:

– Не знаю – никаких чудес за ними замечено пока не было. Но пользу точно приносят. Жорж полиглот, знает семь языков, а чужаки со всей земли приходят, сам понимаешь, общаться надо как-то. Данила в оружии хорошо разбирается, в любом – от пистолетов, к которым, правда, патронов почти не осталось, до охотничьих ножей. Я мало что знаю – дьяконы почти не общаются с прихожанами, живут в церкви, как и матушка.

– И что, больше никто не удостоился чести творить чудеса?

Софья напряглась. Странно – история с гибелью священника не особо заинтересовала новичка. А вот способности настоятельницы и её телохранителей очень даже.

– Бывает, люди начинают творить что-то необычное. Матушка, обычно очень сдержанная и доброжелательная, в таких случаях неумолима и отправляет подобных чудотворцев на костёр. Даже изгнанием не рискует, так как подобные способности могут быть лишь от Дьявола. Потому что, если от Бога, Ксения об этом узнаёт первой, от самого Отца Небесного.

Вячеслав вдруг презрительно фыркнул. Потом опомнился и с важным видом покивал, вроде как соглашаясь с методами Аристарховой. Но у Сонечки, наконец, отлегло от сердца – мужчина явно умел делать правильные выводы.

– Ладно, Хромушка. – Слава вдруг поморщился. – Я дико извиняюсь, конечно, но кто такое прозвище придумал? Язык бы оторвать. Симпатичная, хоть и покоцаная жизнью молодая девчуля, и на такую ерунду отзываешься.

– Я привыкла. – Пожала плечами Софья.

– Ясно. Пусть будет Хромушка. Мы здесь всё посмотрели? Что ещё показать хочешь?

Соня ответить не успела. Вопль, полный боли, прорвался сквозь оконное стекло. Верочка, молившаяся вместе со всеми возле колокольни, обхватила живот руками, повалилась на землю и закричала.

Хромушка рванула из библиотеки, позабыв о подопечном.

– Что случилось? – Славка не собирался оставаться в одиночестве и поспешил следом.

– Ничего страшного. – Соня бежала, хромя сильней обычного, как всегда, когда сильно волновалась. – Соседка, наконец, родить собралась.

Глава 3

Нет нужды подвергать гонениям людей, которые демонстрируют сверхъестественные способности. Человечество приспосабливается к любым условиям жизни, и колдуны – наш ответ Выраю. Судя по всему, возможность творить магию заложена в геноме, так как проявиться подобные умения могут у кого угодно. Чаще всего этому предшествуют какой-либо стресс, физиологический или психологический. До четырнадцати лет способности не выявляются, как и в возрасте старше пятидесяти.

Любой маг обладает широкими возможностями, но лучшие всего у него получается то, что проявилось изначально, ещё до инициации.

Если кто-то из ваших близких стал двигать предметы взглядом или разговаривать с животными, не стоит паниковать. Возможно, это благо для вашего сообщества. Хотя отношение колдуна к окружающим зависит от личностных качеств. Не стоит ожидать помощи от целителя, если в бытность обычным человеком он демонстрировал ненависть к людям.

М.А. Бондаренко, «Путеводитель по современному миру».

Вера уже не кричала – не было сил. Только жалобно стонала. Взгляд иногда задерживался на Соне, но вряд ли роже-

ница осознавала, что с ней рядом кто-то сидит.

Двенадцать часов схваток не прошли даром – Верочку совершенно измотала нечеловеческая боль.

– Всё никак? – В лазарет заглянула баба Валя.

Хромушка в ответ лишь покачала головой. Девушка не отходила от подруги, пытаясь поддержать всем, чем только возможно – массировала поясницу, водила по третьему этажу, помогала принимать позы, в которых схватки были не такие болезненные. Соня настолько переживала, что в какой-то момент поняла, что давно просматривает Верочку прямо так, на ходу, совершенно не контролируя себя. Лишь матка – огромная, тёмная, по-прежнему была закрыта.

Последний час Вера просто лежала – ходить, наклоняться, правильно дышать уже не было сил.

– Господи, спаси Рабу Божию и её дитя. – Перекрестилась старушка. – Пойду я, предупрежу матушку, что надо общий сбор делать. Ты носилки подготовь.

– Хорошо, баб Валь.

Старушка ушла, тяжело вздыхая. А Хромушка взяла за руку подругу и горячо зашептала:

– Девочка, солнышко моё хорошее! Пожалуйста, соберись! Всё хорошо, первые роды всегда тяжело проходят, не сдавайся. Подумай о малыше!

Вера, услышав родной голос, слабо улыбнулась.

Через несколько минут пришёл Иван. Он помог погрузить Верочку на носилки. На улице уже ждали.

В сложных родах обычно участвовал весь Родник. Роженицу укладывали на крыльце церкви, и прихожане хором молились за мать и дитя. Молитва помогала не всегда, но что ещё можно было сделать? Соня тащила носилки, стараясь не думать о том, что Вера может умереть.

Хромушку отеснили – место рядом с Верой заняли сама настоятельница и Сергей. Дьякон хотел усыпить Верочку, но Ксения не разрешила – бледная, уставшая Вера и так была на грани обморока. После чудодейственного «снотворного» роженица могла уже не проснуться.

– А муж её где?

Соня вздрогнула. Она совершенно забыла о чужаке, и вопрос застал её врасплох.

– Нет мужа. Это непорочное зачатие.

– Да ты что! Серьёзно?! – Вячеслав старался не смотреть на крыльцо. Зелёное лицо и совершенно неуместные в такой ситуации вопросы дали понять Кривицкой, что мужчина впервые присутствует при родах.

«В каком месте он жил? Там что, никто не рожал никогда?»

– Конечно, серьёзно. Зачатие такое же непорочное и чудесное, как и все божественные откровения Прихода! – Прощипела Соня. Она едва сдержалась, чтобы не послать любо-

пытного новичка.

– Соня! Соня, ты где? – Верочка заметалась на грязном матрасе, отпихнула руку настоятельницы и попыталась подняться.

– Кривицкая, иди сюда. Может, если рядом будешь ты, несчастная хоть немного успокоится. А вы, братья и сестры, начинайте.

– Приими, о всеблагословенная и всемогущая Госпоже Владычице Богородице Дево, сия молитвы, со слезами Тебе ныне приносимыя от нас недостойных раб Твоих...

Едва Соня оказалась рядом с подругой, та с облегчением вздохнула и потеряла сознание. Соня почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Верочка была сверстницей младшей сестры, умершей одиннадцать лет назад, когда на город опустился лиловый туман. Тогда же погибли и родители. Может, именно поэтому семнадцатилетняя Вера всегда была так важна для Софьи. Девочка заменила ей семью.

Хромушка не могла, просто не могла дать подруге умереть.

Забыв о конспирации, о маячившем впереди костре, Соня включила внутреннее зрение.

Матка ходила ходуном. Но всё равно было непонятно, что происходит. Кривицкая напряглась, и словно что-то хрупкое лопнуло в её груди. Тёмная пелена спала, и она, наконец, увидела.

Как маленький, тоже смертельно уставший человек стремится в мир, но упирается в выход ножками. Ещё немного, и место, служившее убежищем девять месяцев, станет ему могилой. За ним отправится и мать – натянутые волокна мышц готовы были разорваться в любую секунду.

Откуда-то из далёких далей послышался возмущённый крик Аристарховой:

– Что происходит?!

Соне было плевать. Ровный гул голосов, читающих молитву, очень помогал – Сила, впервые превратившись из тонкого ручейка в ревущий водопад, оттягивала страшный момент. Целительница задрала платье роженицы, засунула руку в родовые пути и схватила ребёнка за ногу.

Если бы Вера не потеряла сознание за несколько минут до этого, она бы сделала это сейчас. Хромушка практически по локоть залезла внутрь, поняла, что вытянуть ребёнка таким способом не получится, положила вторую руку сверху на живот и стала осторожно, но настойчиво поворачивать малыша головкой вниз.

Кривицкая заметила какую-то возню краем глаза. На миг отвлекшись, целительница как раз успела увидеть, как от удара в челюсть Сергей улетает с крыльца, а Ксения и Жорж пытаются обезвредить взъерошенного Вячеслава. Мужчина не давал подойти к Вере и Софье, сыпал давно забытыми в приходе матерными словами и орал, что из-за бредового отношения к колдовству не даст погибнуть юной матери и ре-

бёнку.

Малыш наконец оказался в нужном положении. Хромушка послала немного Силы, и Вера пришла в себя.

– Тужься. Тужься, Верка! Почти всё!

Верочка была всё же слишком слаба. Софья чувствовала, как вся Сила уходит на то, чтобы малыш наконец-то родился.

Когда мальчишка истошно заверещал, Кривицкая удовлетворённо улыбнулась и отключилась.

– Соня! Сонец! Ты долго ещё валяться будешь?

Дико раскалывалась голова. Весёлый мужской голос ввинчивался в мозг, словно шуруп. Хромушка застонала и попыталась открыть глаза. Не получилось.

– Давай, красотуля. Постарайся. Тебе бы банку варенья сейчас захавать или мёда, но чего нет, того нет, так что давай, сама.

Голос вдруг показался тише. Софью затошнило, и она поняла, что снова сейчас отключится.

– Эй, ты это, не вздумай! Зараза. Лады, погóдь, сейчас помогу.

Соня почувствовала, как до её руки дотронулись чьи-то тёплые пальцы. Секунду ничего не происходило, а потом состояние стало улучшаться. Будто бы внутренние силы, ушедшие на спасение Веры и её сына, потихоньку возвращались

на место. Это было настолько неожиданно и приятно, что Кривицкая крепко сжала чужие пальцы и стала вытягивать из непонятого источника всё, что только могла. Оказалось, это просто и так же естественно, как и дышать.

– Сдурела?! – Пальцы резко отдернули.

Соня открыла глаза. Сейчас она себя чувствовала просто смертельно уставшей, не более того. Бледный Вячеслав, с упрёком глядя на неё, массировал свою руку.

– Чуть не уконтропупила. Учись контролировать себя, а то плохо всё закончится.

– Что это было?

– А ты не знаешь? – Слава с интересом уставился на собеседницу.

– Я вообще ничего не понимаю, кроме того, что мне конец, и, судя по всему, тебе тоже.

Только сейчас Соня сообразила, где они. В церковном подвале.

Храм был очень старый, и никто не знал, для чего здесь эти решётки. Покойный отец Павел, возможно, был в курсе, но он об этом месте не распространялся, и нашли церковную тюрьму лишь после его смерти. Аристархова активно её использовала.

Здесь ждали вынесения и исполнения приговора люди, открывшие в себе запрещённые способности. А также сидели провинившиеся – стащившие чужую порцию еды, попытавшиеся обмануть настоятельницу при еженедельных испове-

дях или усомнившиеся в Боге.

Сейчас здесь находились лишь Соня и Вячеслав. Им даже оставили лучину – щепка, вымоченная в старом подсолнечном масле, жутко чадила и неровно горела, в большей степени освещающая узкий коридор, чем камеры, но и этого было достаточно. Лучше, чем сидеть в полной темноте.

Клетки Кривицкой и чужака разделяли металлические ржавые прутья. Сквозь них Слава и смог дотронуться до девушки.

Вот только зачем?

– Конец или нет, это мы ещё посмотрим. Судя по всему, ваша святоша не знает, как поступить – прихожане за тебя горой встали, она явно этого не ожидала.

– А что там произошло, когда я в обморок упала?

– Ну, когда твои глаза зелёным полыхнули, я не удивился. Давно понял, что ты ведьма.

– Кто?!

Вячеслав усмехнулся и покачал головой:

– Ладно. Куковать нам здесь ещё долго, так что объясню вкратце. Смотри. – Мужчина закатал рукав рубашки, и Соня увидела на плече татуировку – геометрический узор тёмно-красного цвета.

– Эта руна предупреждает о нечисти в радиусе двухсот метров. Кроме того, она начинает покалывать, когда кто-то пользуется магией. Рядом с тобой пару раз кольнуло. Вот только не пойму, где и как ты смогла инициироваться, вы же

за забор не выходите. Или всё-таки бывала за городом?

– Нет. – Соня заморожено смотрела на руны. Именно от этого рисунка веяло тем «покрывалом», которое не давало *просмотреть* Вячеслава.

– Вас таких, между прочим, не так уж и мало. Правда, не все идут дальше, оставляя умения в зачаточном состоянии. У каждого изначально есть какая-то одна способность. Например, Серый ваш может сон насылать.

– Он не только это может. – Тихо сказала Кривицкая. Правду о себе она приняла сразу и даже успела сделать выводы о происходящем в Роднике Веры. – Помнишь, я говорила про непорочное зачатие? Каждая девушка раз в месяц всю ночь молится в церкви. Часто парами ходим. Многих накрывает Божья Благодать, они не помнят ничего. Иногда после таких ночных молитв беременность наступает. Меня редко трогают – видно, хромота не устраивает, или грудь маловата. А вот Веру они любят. Она, несчастная, каждый раз плачет и вырывается. А потом Сергей память стирает. Правда, на мне это не работает, но я делаю вид, что тоже забываю правду.

– Ты хочешь сказать, что ваши дьяконы регулярно девок в церкви насилуют? Прямо там? О каком Боге они тогда говорят вообще?! А настоятельница что на это?

Соня грустно покачала головой:

– Она не вмешивается. Даже одобряет. Мужчинам нужно как-то напряжение снимать, верно? В этом только Данила не участвует.

Слава сплюнул на пол и замолчал.

– Угу, – услышала вдруг Софья и подняла голову. Под самым потолком в камере имелось крохотное оконце. Стекла в нём давно не было, и свежий ночной воздух проникал в подвал.

– Привет, Совушка! – обрадовалась девушка. – Ты меня нашла!

Птица протиснулась в окно, слетела на пол, клюнула Кривицкую в ногу и неодобрительно посмотрела в соседнюю камеру.

– Познакомься. Это мой новый друг, Слава.

– Коваль. Вячеслав Коваль. Какая у тебя птичка интересная. – Славка сощурился, потёр руну на плече, придвинулся к решётке и просунул руку, пытаясь дотронуться до птицы. Та возмущённо угукнула и отскочила в дальний угол.

– Обычная сова. Я её уже несколько лет прикармливаю. Мы дружим.

– Обычная, да не совсем. Сюда бы Маринку, она бы лучше разобралась...

Пернатая раскрыла клюв и выплюнула на пол ягоды.

– Спасибо, милая, за угощение. – Софья, чтобы не обижать птицу, подобрала чернику и забросила в рот.

– И часто тебе пташка ягодки таскает? – Слава развеселился непонятно чему.

– Весь последний год. А что?

– А то, что ночная подружка кормит тебя вкусняшками из

Вырая. Тебя инициировали, а ты и не в курсе.

Сова подошла ко всё ещё просунутой сквозь прутья руке и важно, деловито, клюнула Ковалья в запястье. Потом наклонилась и подсунула голову под ладонь, требуя ласки.

Соня не сразу поняла, что имеет в виду мужчина. А потом испугалась.

– Ты хочешь сказать, что это она меня в ведьму превратила? И что это не птица? Но зачем?! И кто это?

– Не могу ответить ни на один из твоих вопросов. В нынешние времена всякое бывает. Знаю одно – вряд ли птаха делала это со зла. Скорее, наоборот, исключительно с благими намерениями.

Сова словно не слышала людей – отошла от прутьев, засунула голову себе под крыло и стала упоённо чистить пёрышки.

– Совушка, зачем? Зачем ты это сделала?

– Сонец, я дико извиняюсь, конечно, но вряд ли она тебе ответит. Хотя, если будешь развиваться на колдовском поприще, сможешь получить ответ без проблем. Поверь, я такое уже видел.

– Где? В своём военном городке?

Коваль помолчал, но потом признался:

– Я не из военного городка. Но история реальная. Просто не моя. К нам, знаешь ли, тоже странники приходят, много чего рассказывают. Вот и про военный городок молодой пацан рассказал, Данила. Это не я, это он сеструху потерял.

Соня поразилась:

– А как ты смог Ксении соврать? Она же тоже, как я поняла, ведьма, и способность у неё как раз такая – тайные мысли выведывать.

Славка просто ткнул пальцем в руну на плече.

– А, точно. Я и забыла.

– Кстати, маман ваша, в смысле, матушка, никакая не ведьма. Она, как я, обычный человек. Может, предмет магический в кармане лежит, может, как у меня, татуха. Или ещё что-то. Кто-то ей помогает.

В голове словно зажёгся яркий свет. Торопливо, стараясь ничего не упустить, девушка стала рассказывать всё, что знала. Слава не перебивал, сова таращила свои круглые глаза и тоже внимательно слушала.

В середине монолога погасла лучина. В подвал пришла темнота. Но девушка не обратила на это внимания и продолжила вываливать на Вячеслава информацию.

Когда Хромушка, наконец, замолчала, Слава хмыкнул, и заявил:

– Если ты не против, я кратенько обрисую ситуацию в вашем безгрешном родничке. Потом проще отчёт писать будет.

– Какой отчёт?!

– Позже объясню. Итак. Жил был город, который в один не слишком прекрасный вечер накрылся медным тазом. Как, впрочем, и весь мир. Оставшиеся в живых горожане укры-

лись в одной из православных церквей города, защищаясь от нечистой силы, упырей, в которых превратились некоторые не совсем умершие, и от диких зверей. Объединил всех под одной крышей хороший человек, священник отец Павел.

– Всё правильно.

– Вы худо-бедно справлялись, а потом, через год, девочка-подросток Софья Кривицкая подслушала ссору батюшки и рядовой женщины Ксении Аристарховой. Кстати, кто она?

Соня пожала плечами, но поняла, что Слава в темноте этого не может видеть, и сказала вслух:

– Я не знаю. Она была последней, кто пришёл тогда. Точнее, они с Дарьей и Сергеем на машине приехали. Автомобиль до сих пор стоит в сарае. Вроде бы их к нам вынесло откуда-то из другого населённого пункта.

– То есть, они не местные, так?

– Да. Даша вроде как её телохранителем была, а Сергей – водителем. То ли бизнесмен она, то ли чиновница – никто точно не знает. Всё на уровне слухов. И то, в последний раз мы это обсуждали тогда, когда отец Павел погиб.

– Лады. Значит, поцапалась Ксюха со священником, да так, что этот добрый самаритянин готов был живого человека выгнать за ворота на съедение злобным потусторонним силам. И вдруг, неожиданно, совершенно внезапно и скоротечно, Господь говорит с Павлушей, да без свидетелей. Говорит полную ерунду, заставляет умереть и отдать бразды правления никому не известной тётке, которую наделя-

ет неприятными такими способностями. И дружков её тоже заодно.

Сова вдруг истошно завопила. Софью обдало волной воздуха – птица взлетела, сделала круг по камере и бесшумно приземлилась. Она странно щёлкала клювом – девушке показалось, что птицы так делать не должны. Стало жутковато.

– Ты смотри, как заволновалась. Видно, наша не совсем птичка что-то знает, только рассказать не может. Ладно, давай дальше. Непонятный голос, который наивные прихожане приняли за Глас Божий, оказался очень кстати. Он всё быстро вам объяснил.

– Это единственное, что меня смущает.

Слава насмешливо фыркнул:

– А я как раз это могу объяснить без проблем. Но не будем забегать вперёд. Значит, бабёнка корчит из себя безгрешную цыпочку, дьяконы её тоже. В последующие годы к их стае прибивается ещё два любителя власти. Лучшая еда – им. Свобода перемещения – им. Право повелевать, управлять человеческими судьбами – у них в руках. Периодически ребятки устраивают себе оргии с молодыми девчонками, а потом стирают жертвам память. Неужели никто этого не понял? Изнасилование разве не оставляет следов? Синяки, ещё какая-нибудь гадость?

– Они не зверствуют. Просто расслабляются. У нас есть одна женщина, её, как и с десятков таких же несчастных, в предыдущем поселении насиловали. Пять лет. В клетке дер-

жали, помоями кормили, издевались, как могли. А в голодные зимы эти звери женщин ещё и ели. Элизе с трудом убежать удалось. До сих пор весь приход будит по ночам криками – кошмары снятся. Кстати, её ни разу «благодать» при ночной молитве не посещала, мне кажется, её наши дьяконы жалеют.

– Или брезгают. – Слава посопел, потом добавил глухим голосом: – Ты так спокойно об этом говоришь, что меня жуть берёт.

– Есть гораздо более страшные вещи в этом мире. Зато у Верочки малыш появился.

Сова издала неприятный, резкий звук и забегала по камере.

– По-моему, наша подружка хочет, чтобы я продолжил. – Вздыхнул Коваль. – На чём я остановился?

– На том, что Аристархова и её помощники повелевают судьбами.

– Точно. Кроме того, они тщательно выбирают, кого принимать в сообщество. Предпочтение отдаётся людям из страшных мест, как Элизе вашей, или как мне – из мест, которых больше не существует. Неудобных изгоняют или приносят в жертву над колокольной. Напрашивается вывод – отца Павла тоже в жертву принесли. Вопросов два – для чего и кому.

– Для чего – понятно. С тех пор, как Ксения здесь руководит, ни одно чудовище к нам не рвётся. А кому... Дьяво-

ду, наверное? Настоятельница, прикрываясь Богом, служит Князю Тьмы. Он в ответ на жертвы одаривает её способностью залезать в головы к другим и держит на коротком поводке своих приспешников.

Коваль опять развеселился:

– Тоже мне, князя нашла. Мне кажется, я знаю, что за чмырь тебе ручкой махал, знакомые повадки. Это обычный чёрт – они пакостники, каких белый свет не видывал, но, в принципе, достаточно адекватные, если, конечно, можно так сказать о нечистой силе. Если я прав, и это кто-то из них, то ваша Аристархова сама его навела на подобные мысли, сама в них поверила, и, естественно, сама с собой согласилась. Он только подыграл. И продолжает подыгрывать. Не удивлюсь, если он к ней является в образе Сатаны. И «Глас Божий» его был, скорее всего, они мастера подобных фокусов.

– Так что – она просто так людей убивает?

– Почему же просто так. Черти ничего не делают без собственной выгоды. Да и договор выполняют – ты же сама говоришь, вас не трогают. Думаю, души погибших над звонницей прямиком к нему попадают. Правда, мы до сих пор плохо понимаем, зачем они им, и вообще, как это всё работает.

Решив позже уточнить, кто такие «мы», девушка задала вопрос:

– Раз ты настолько в теме, объясни тогда, зачем она тех, кто странные способности проявляет, сжигает на костре?

– Сонец, я не знаю, что творится в голове у этой бабы. Мо-

гу только предположить, что она уничтожает потенциальных конкурентов. Своеобразная инквизиция местного разлива.

Внезапно Кривицкая почувствовала, что в душе пусто. Зачем все эти расследования и попытки выяснить истинные мотивы Аристарховой? Правда одна – много лет эта женщина худо-бедно справлялась с организацией жизни нескольких десятков людей. Да, было много чего плохого, но крыша над головой, скудная еда, закон, порядок – важные вещи. А главное, у прихожан была вера в светлое, хоть и загробное, будущее под присмотром самого Господа.

– Какая разница? Всё равно гореть мне на костре. Да и тебе тоже, если настоятельница не смилуется и не выпроводит тебя восвояси.

– Может, и нет. Если повезёт, и мы просидим здесь дня три, за мной успеют прийти. А уж тебя я в беде не оставлю. – Темнота не позволяла рассмотреть собеседника, но Соне показалось, что Слава улыбается.

Девушка слабо понимала, как за ним могут «прийти», если целенаправленные путешествия уже много лет как невозможны, но решила, что спрашивать не стоит – Коваль, хоть и выглядел шутником и балагуром, за всё время общения так ничего о себе и не рассказал.

Поэтому она просто объяснила:

– Никто нас здесь так долго держать не будет. Так что забудь. На рассвете отправимся к Господу. Мы как раз дрова начали заготавливать, каждый день дьяконы в город выхо-

дят. К зиме ещё мало, но на два костра хватит.

– Ерунда. Кстати! Я ж тебе главное не рассказал! Что было, когда ты в обморок брякнулась!

Загремел замок. Птица что-то просипела и неуклюже пошагала под узкий топчан. В подвале появился свет, и заключённые увидели бледную Верочку.

Глава 4

Собранные на данный момент факты позволяют предположить, что потусторонние существа на различных континентах, хоть и обладают схожими чертами, всё же в большинстве случаев специфичны. Если учесть, что пространство пластично, а Постмортемы могут свободно перемещаться по миру, это не совсем логично. Возможно, люди, обитающие в той или иной местности, воздействуют на Вырай своими верованиями, фантазиями и мыслями. Этим феноменом «оправданного ожидания» можно объяснить Бабу-Ягу на территории расселения славян, гарпию на юго-западе Европы, а чупакабру в Латинской Америке. Необходимо учитывать, что для облегчения коммуникации или манипулирования некоторые создания способны специально принимать тот вид, который подсознательно ожидает человек.

М.А. Бондаренко, «О сверхъестественных существах».

Едва Хромушка потеряла на крыльце сознание, подоспевшая Дарья тут же скрутила чужака. Возможно, для новичка это было неожиданно, но прихожане отнеслись к такому повороту событий совершенно спокойно – высокая, крупная женщина в одиночку ходила на охоту, одним ударом могла проломить череп медведю, а когда в здании трапезной рух-

нула плита перекрытия, именно Даша подхватила её и держала, пока прихожане выбегали из здания. Трапезная давно была разобрана по кирпичику, а люди до сих пор вспоминали ту историю, рассказывая детям и новичкам о Божественной Благодати, коснувшейся дьяконов.

Так что Вячеслав должен был благодарить Небеса за то, что его просто обезвредили, а не покалечили.

Сергей сидел на крыльце, отрешённо сплёвывая кровь – два передних зуба уже валялись поодаль. Жорж деловито вязал Софье руки за спиной, а Аристархова говорила с прихожанами:

– Братья и сестры. Вы всё видели сами. Наша сестра, наша добрая, тихая Софьюшка оказалась в руках у Тьмы. Нет таких слов, которые могут выразить моё горе. Да и ваше тоже – я прекрасно знаю, что Сонечку здесь любят все. Но мы не можем рисковать святостью этого места.

О Верочке все забыли. Она прижимала малыша к груди и тихо плакала. Дарья, удостоверившись, что Вячеслав связан крепко, подошла к новоиспечённой матери и перерезала пуповину. Затем спустилась к людям, взяла у одной из женщин платок, поднялась на крыльцо и укрыла ребёнка. Подошла к Аристарховой и встала на привычном месте – слева, на полшага позади начальницы.

– Завтра, после утренней молитвы, мы очистим душу Софьи Кривицкой. А Вячеслава, этого двуликого человека, вернём туда, откуда он пришёл – за ограду. В Роднике Веры

нет места агрессии.

– Матушка настоятельница! Да за что ж! Мы все тут стояли, видели – если бы не Сонька, Верку хоронить бы пришлось! – Баба Валя озвучила общую мысль, поэтому прихожане загудели.

– Да, тёмные силы могут совершать на первый взгляд благородные поступки. Но на самом деле они пытаются усыпить бдительность, завоевать доверие, обелить себя. Чтобы нанести подлый удар потом, когда вы меньше всего это ожидаете. Вот Софья – помогла Вере и её сыну выжить. Это хороший поступок? Да. Она не несёт в себе зла. Вы можете сказать – давайте использовать способности Кривицкой во благо. А она когда-нибудь глухой ночью всех уничтожит, даже не осознавая, что делает.

– А если это Божья благодать? Как у вас, матушка, и у дьяконов? – Выкрикнул кто-то из задних рядов.

– Нет! – Отрезала настоятельница и даже возмущённо замахала руками. – Господь говорит со мной перед каждым появлением того, кто несёт в себе свет Его. По поводу Хромушки предупреждения не было.

Люди не успокаивались. Ксения всё не могла поверить, что здесь, в её церкви, возможен бунт, и продолжала увещевать:

– Братья и сёстры! Мнение Господа на этот счёт однозначно! Мы не можем оставить в живых Кривицкую, а чужака среди нас!

Приход забормотал разными голосами:

– Да ходок пусть валит...

– Пусть Господь сам нам скажет, мы помним, он может...

– Новичок, конечно, нормальный мужик, но нашим стать не успел...

– Где это видано – девчонка спасла и дитя, и мать, а её за это на костёр...

– Пусть Глас Небесный нам сам всё объяснит, тогда без вопросов, конечно...

Прихожане были похожи на гнойный нарыв, который вот-вот лопнет.

Даша наклонилась к уху настоятельницы и прошептала:

– Ксюха, прекращай. Жрать почти нечего, дальше будет только хуже. Не доводи людей до греха, а то и твой «Бог» не поможет. Ещё нас с тобой сожгут к чертям собачьим. Попросишь у Сатаны, пусть поговорит с приходом, опять, как тогда.

Аристархова вняла совету и заявила:

– Хорошо, братья и сёстры. Поступим так – Софья и Вячеслав отправятся в церковный подвал, а я буду молиться до рассвета. Возможно, Господь внимлет моим просьбам и огласит своё повеление всем вам.

Жорж и Данила подхватили Софью и потащили к церкви. Очухавшийся Сергей потопал следом. Толпа, крестясь, направилась к приходскому дому. Аристархова провожала людей взглядом и нервно кусала губы. Даша подозвала бабу Ва-

лю и ещё нескольких женщин и напоявила:

– Пусть Вера ещё пожелит. Послед родиться должен. Если что, поможете. Умеешь, баба Валя?

– А то. Конечно. Всё сделаем в лучшем виде. – Старушка подозрительно смотрела на Дарью – слишком много взаимодействия с простыми людьми для дьякона.

Но человеческое лицо Дарьи вновь исчезло под маской равнодушия. Женщина взвалила на плечо Вячеслава, который всё это время пытался выплюнуть кляп изо рта или ослабить узлы на верёвках, и понесла пленника в сторону церкви. Ксения направилась к колокольне.

– Я не хочу, чтобы Хромушку убили! – Едва властители скрылись из глаз, Вера заплакала с удвоенной силой и покрепче прижала к себе новорожденного.

– Мы тоже, Вера. Мы тоже. – Покачала головой баба Валя.

– Верунчик! Ты что тут делаешь?! Тебе отлёживаться надо! – Кривицкая, схватившись за прутья решётки, с тревогой рассматривала подругу.

Девушка выглядела измученной до крайней степени. Чёрные круги под глазами, бледное, какое-то пепельное лицо и потрескавшиеся губы. Хитро завязанная, переброшенная через плечо полоса ткани образовывала у груди что-то вроде уютного кокона, в котором расположился новорожденный,

оставляя обе руки матери свободными. В одной Вера держала корзинку, в другой – факел.

– Дорогуша, вон там, на стене, держатель. Если закрепишь факел в нём, будет проще.

Верочка сделала так, как предложил Вячеслав, и устало улыбнулась:

– Уже отлежалась. Не до того. Я вам тут покушать принесла.

С этими словами гостя вытасила гостинцы – несколько кривых морковок и пластиковую бутылку с крапивным отваром.

Софья, игнорируя угощение, сосредоточилась на матери и ребёнке. Глаза её засветились.

Вера поёжилась, но лишь сказала:

– Так жутко выглядит. Сонечка, скажи – ты ведь не...

– Нет, девушка, она не под властью дьявола. Зуб даю. – Слава с аппетитом хрустел морковью и добавил: – Сонеч, ты поосторожней, я больше не буду тебя подпитывать.

– Я аккуратно. – Пробормотала Хромушка. Вроде бы тело новоиспечённой матери было в порядке. Целительница почувствовала, как закружилась голова, и прекратила своё дело.

– Жуй морковку. – Посоветовал Коваль. Кривицкая послушалась.

– Сегодня во дворе дежурят Митя и Донован. Они меня пропустили. Привет тебе передавали.

– Так что настоятельница решила?

Вера пожала плечами и опустилась на грязный пол:

– Мы не знаем. Оставлять тебя в живых она не хочет, но мы потребовали, чтобы Господь сам о своём решении сказал. После того, как вас сюда увели, матушка целый час провела в колокольне, а потом в церковь вернулась. Наверное, утром объявит о своём решении.

– Вера, ты же понимаешь, что исключений не бывает, – тихо сказала Софья.

– Мы не отправим тебя на костёр, полночи приход не спал, обсуждал! Все, все видели, что ты для меня сделала! – Девушка с нежностью посмотрела в «кокон» на груди. – Это не может быть злом.

– Аристархова вас не послушает.

– Нас больше. Мы ей подчинялись много лет, можно разок и наше мнение принять во внимание.

Соня спорить перестала. Она была уверена, что к утру члены общины остынут и не станут вступать в открытый конфликт с настоятельницей. Относительное благополучие и спокойствие почти сотни человек важнее.

– Если Господь заявит, что тебе с нами нельзя, мы попросим об изгнании. Это хоть какой-то шанс выжить, к тому же с тобой будет он, – кивнула Верочка в сторону Вячеслава.

Мужчина в разговор не вступал, а с упоением грыз морковку, словно происходящее его совершенно не касалось.

– Хорошие перспективы. Либо конец, либо возможный

конец в лиловом тумане. – Хромушка вдруг шмыгнула носом и стала утирать глаза.

– Как же так, Сонька! – Яростно заявила Вера и поднялась с пола, придерживая одной рукой сына. – Как ты могла в такое вляпаться! А самое обидное, даже мне не сказала!

– Что я должна была сказать? Что вижу людей насквозь? Что знаю, кто отец твоего ребёнка? – Заорала в ответ Хромушка. – Ты бы всё равно не поверила, а если бы и поверила – сдала бы меня Аристарховой!

– Неправда! Я бы молчала! Дура, как я без тебя здесь теперь? Кому я буду нужна? – Вера тоже заплакала. Малыш у груди обеспокоенно завозился и закричал. Новоиспечённая мать тут же утратила свой пыл и что-то успокаивающе зашептала в кокон. А потом осознала услышанное.

– Что ты имела в виду, когда говорила об отце? Разве малыш не дар Господень?

– Девочки, милые, прекратите ссориться. До того ли сейчас? Лучше давайте подумаем, как нам спастись. – Слава торопливо догрыз морковку и попытался увести разговор от опасной темы. Его жизненный опыт просто вопил о том, что для совсем юной женщины, выросшей в окружении верующих, правда может оказаться шокирующей. Ещё сотворит что-нибудь нехорошее с младенцем.

Но Вера не обратила на мужчину никакого внимания.

– Соня, я жду.

До Кривицкой, наконец, дошло то, что Вячеслав понял за

одно мгновение. Не стоило говорить об этом, тем более, сейчас.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы дверь подвала не распахнулась, и в церковную тюрьму не вошла Дарья.

– Вера. Тебя не должно здесь быть.

Верочка вжалась в стену. Казалось, побледнеть ещё сильнее невозможно, но девушке это удалось.

А женщина уже утратила интерес к прихожанке и сосредоточила своё внимание на пленниках.

– Ты! Это твоё? – На пол шмякнулся рюкзак с многочисленными карманами и лёгкая куртка.

– Да. – Вячеслав подошёл к решётке. – Можно забрать?

– Потом. Теперь ты, Кривицкая. На. – Даша достала из кармана часы.

Соня машинально схватила себя за запястье.

– Держи. Весь Приход знает, как эта вещь тебе дорога.

– Что происходит, Дарья Степановна?

Женщина не ответила. Она повернулась к молодой прихожанке:

– Вера. Убирайся немедленно. Я тебя не видела, ты здесь не была.

Девушка испуганно кивнула, подхватила пустую корзинку, и со всей скоростью, на которую была способна, покинула подвал.

– Да что происходит?!

Дарья подошла к камере Вячеслава, развела руки и взя-

лась за прутья.

– Надо уходить. На рассвете вас отправят на костёр. И тебя, ходок, тоже. Тот, кому Ксения служит, пообещал помочь голосовым сообщением.

Женщина с силой дёрнула. Раздался грохот, решётка выскочила из стены. На пол посыпались куски бетона и кирпич.

– Обалдеть. Дарья, я ваш навеки – в первый раз такую силу вижу. У женщины.

– Заткнись и слушай. Люди не хотят вам навредить, но Ксюха рвёт и мечет. Собирается изгонять тех, кто станет на вашу защиту. Так что у вас несколько часов, чтобы исчезнуть.

Дьякон подошла к клетке Кривицкой и повторила фокус с открыванием камеры.

– Мадам, почему вы нам помогаете? Судя по тому, что рассказала Соня, вы всегда и во всём поддерживали настоятельную.

– Не твоего ума дело. Всё, что от тебя требуется – увести Кривицкую подальше отсюда, в безопасное место. Вы не в курсе, но поверьте, такие есть. Странников за эти годы много побывало, рассказывали о совершенно фантастических местах. Правда, Аристархова не хотела, чтобы прихожане знали об альтернативе.

– Я знаю. – Тихо сказала Софья, застёгивая браслет часов.

– Да? – Удивлённо приподняла брови Дарья. – Ладно, неважно. Уйдёте через ворота.

Слава подхватил рюкзак и деловито спросил:

– Всё растащили?

– А ты как думал. – Серьёзно ответила Даша. – У тебя там много чего интересного и нужного Приходу. Да и непонятное кое-что есть, Аристархова заинтересовалась. Я забросила внутрь пару банок тушёнки да нож твой охотничий, но на многое не рассчитывай.

– И на том спасибо. – Коваль закинул рюкзак за плечи и улыбнулся: – Ну что, Сонец? Прогуляемся?

Кривицкая не ответила. Она ещё даже не вышла из камеры. Куда?! Здесь её дом, её жизнь. Здесь Вера, баба Валя, остальные. Здесь ужасная, но такая привычная Аристархова. А там, за забором, что её ждёт? Голод? Горе? Смерть?

– Так, девочка. Собрала ноги в руки и свалила отсюда. – Дарья поняла всё без слов. – Здесь костёр, там – шанс на спасение. Хочешь, чтобы из-за тебя половину прихода выгнали?

Словно во сне, Хромушка сделала шаг вперёд, но потом снова замерла.

– Что ты возишься? – Разозлилась Даша.

– Подождите, Дарья Степановна. Там же Донован. И Митя. Как мы мимо пройдем?

Женщина равнодушно пожала плечами:

– Либо они вас пропустят, либо получают по голове.

– Нет, так не пойдёт. – Воспротивилась Софья. – Что же я, ребят подставлю? Хорошенькое дело – либо вы им черепа проломите, либо Аристархова их накажет. Хорошо, если

здесь, внизу, пару недель посидят. А если их изгонят? Я так не могу.

Даша нахмурилась. Соппротивление глупой девчонки она явно не предусмотрела. А Вячеслав, судя по всему, хоть и не был против побега, оставил решение за Хромушкой.

И тут из-под топчана вылезла сова, о которой все давно позабыли, расправила крылья и заметалась по подвалу, наталкиваясь на стены – узкое помещение не слишком подходило для полётов.

– Это что ещё за комок перьев? – Дьякон попыталась схватить птицу, когда та пролетела прямо перед её носом, но не успела.

Сова, не обращая внимания на людей, подлетела к дальней стене и с разгона ткнулась клювом в один из кирпичей в кладке. Затем сделала круг и повторила манёвр. И ещё раз.

– Бедняга. Это она от паники, наверное. Подземелье не место для птиц. – Соня покачала головой.

– Забыла, что я про тварюшку говорил? Она не просто так это делает. – Слава подошёл к той стене, которая заинтересовала пернатую. Сова тут же прекратила метаться и опустилась на плечо мужчине.

– Так, посмотрим. – Пробормотал Коваль.

Один из кирпичиков отличался от остальных – немного, на сантиметр, выступал из стены. Вячеслав нажал на кирпич, и почувствовал, как тот поддается. Стена задрожала, часть её ушла вглубь, а затем отъехала в сторону.

Птица удовлетворённо клюнула Славу в ухо и влетела в образовавшийся проход.

– Обалдеть. И как Ксюха пропустила такое, ума не приложу, – прошептала дьякон.

Сова вернулась, облетела подвал и вновь скрылась в нише. Люди слышали требовательный клёкот.

– Не хотите через ворота, пойдёте через этот ход, – приняла решение Дарья. – Не знаю, куда он ведёт, но надеюсь, что не к тупику. Церковь старая, построена несколько веков назад. Может, даже за черту города выйдете. Хватит раздумывать, рассвет меньше, чем через час.

– Спасибо, Дарья Степановна. Я не ожидала. – С чувством сказала Соня.

– Для меня это тоже, знаешь ли, немного неожиданно.

– Пойдём, Сонец. Не хочу больше здесь мурыжиться.

Соня сделала шаг в сторону дьякона. Выражение её лица было таким, что Дарья испугалась – пришла очередь объятий. Но девушка вроде сама устыдилась своего порыва, ограничилась кивком головы и нырнула в тёмный лаз. Несколько минут ничего не происходило, затем стена с тихим шорохом вернулась на место.

– А теперь можно и с дьяволом пообщаться. – Удовлетворённо пробормотала женщина. Она собиралась проникнуть в колокольню. Ключ у шефини Даша уже стащила.

Открыв дверь, дьякон обернулась, посмотрела на стену в дальнем углу и подумала: «Жаль, что пришлось отправить

ИХ ВОСВОЯСИ».

– Надеюсь, ты найдёшь себе новый дом, хромоножка.

Что-то живое, шустрое и мерзкое пробежало по руке. Софья не отреагировала – после возмущённого писка живого ковра из крыс девушку в этом туннеле уже ничего не могло напугать.

– Ваша богатырша хоть бы фонарь закинула в рюкзак. Скряга. – В голосе Вячеслава шуточные нотки пропали давно, после того, как им пришлось на ощупь разбирать завал, чтобы можно было двигаться дальше.

В туннеле господствовала тьма. Не та, которой взрослые пугали детей в Роднике Веры, а обыкновенная. Но и она была живой. Темнота шуршала крысиными лапками, дышала затхлым воздухом, стонала гулким эхом шагов Славы и Соны.

Передвигаться приходилось наощупь. Коваль шёл впереди, на плече у него сидела птица. Соня одной рукой держалась за пояс мужчины, а второй – за стену, чтобы хоть как-то ориентироваться. Да и пропустить какой-нибудь поворот, за которым может поджидать выход, не хотелось.

– Сонец, сколько мы уже идём?

Девушка подтянула рукав. В крошечной тьме зеленоватый циферблат часов показался ярким фонарём.

– Уже больше часа.

– Интересно, сколько нам ещё топать. Ты знаешь, сколько лет назад построили вашу церковь?

Хромушка пожала плечами и продублировала ответ вслух:

– Знаю только, что ещё до революции.

– Значит, тоннель не должен быть слишком длинным – неведомым копателям не нужно было рыть под кварталами, построенными в советское время. К подружкам, в монастырь... У вас как, монастырь был здесь какой-нибудь? Нет? Тогда к кому-нибудь, кто мог спрятать от врагов. Или за черту города, чтобы можно было спастись в случае чего. Как думаешь, куда он ведёт?

Соня с сожалением вновь прикрыла часы – света они давали ровно столько, сколько нужно было, чтобы ещё больше сгустить тьму, и нехотя ответила:

– Может, в старый музей. В нём раньше чья-то усадьба была. Это километра три. А может, к озеру в парке, оно ближе. Я там жила рядом, раньше. Наш район только лет двадцать назад застраивать начали. До этого там ничего не было.

– Понятно. Выведет нас дорожка где-то прямо в городе. Ещё до Вырая добраться надо будет как-то.

– Почему ты уверен, что мы выйдем? Вдруг дверь завалило, или её давно нашли и забетонировали, чтобы не шастали всякие? Может, нам лучше остановиться и подумать, как быть в таком случае? Или вовсе вернуться.

– Я ни в чём не уверен, – серьёзно ответила темнота голосом Ковалёва, – вот только фантазировать, как оно будет – хорошо или плохо, продумывать варианты, не двигаясь с места, просчитывать риски, стелить соломку – бред сивой кобылы. Знаю одно. Лишь действие даёт возможность человеку двигаться вперёд. Неважно, куда это тебя приведёт – к улучшению или ухудшению ситуации. Конечная точка маршрута всегда начальная точка нового пути, который может оказаться именно тем, что тебе нужно.

Хромушка вдруг поняла, что держаться Славы – не самая хорошая идея. Если этот страстный монолог – кредо его жизни, то непонятно, как он дожил до своего возраста.

– Ты не прав. Иногда дорога может привести в никуда.

Ответа не последовало. Коваль почему-то остановился.

– Что там такое? – Прошептала девушка.

– Тупик. Мы пришли в никуда, как ты метко выразилась.

На Софию обрушилось отчаяние. Робкая надежда, что удастся выбраться из церкви, растаяла, как дым.

– Неудивительно. Глупо было рассчитывать, что ход, выкопанный под землёй пару веков назад, выведет нас на поверхность!

– Подожди, не истери. Я что-то нашупал. Как же фонаря не хватает!

Кривицкой вдруг подумалось, что можно провести эксперимент. Хуже уже всё равно не будет. Она отпустила ремень Ковалёва и положила руку мужчине на затылок.

– Ты что делаешь, Сонец?

– Стой, не шевелись. Я хочу, как это правильно сказать... поколдовать, наверное. Вдруг получится глаза твои улучшить, чтобы ты в темноте мог видеть.

– Не получится. У тебя сил осталось с гулькин нос.

Соня решила всё же попробовать. Сосредоточившись, она попыталась посмотреть голову Ковалья.

Ничего не вышло.

Зато глаза Хромушки, как обычно, засветились. Этого зеленоватого свечения хватило, чтобы рассмотреть металлическую дверь впереди. Скорее всего, она была поставлена здесь гораздо позже революции, возможно, когда церковь исполняла роль столовой для советских граждан.

– Не знаю, что ты планировала сделать, дорогуша, но и так неплохо. – Славка схватился за засов. – Теперь остынь, а то в обморок брякнешься. Мы уже и методом тыка справимся.

Дверью давно не пользовались. Тяжёлый засов проржавел и не хотел поддаваться. Лишь через десять минут его удалось сдвинуть с места.

За дверью имелся небольшой, метра два в диаметре, пятчок, заросший невысокой травкой, а дальше плотной стеной топорщились кусты шиповника. Солнце уже поднялось над горизонтом, и после кромешной тьмы подземного хода освещение показалось Софье очень ярким.

– А ты говоришь, никуда. – Улыбнулся Коваль и сделал шаг наружу.

– Наш договор с Ксенией прекрасно работает уже десять лет. Я никогда не нарушаю условия сделки. Могу лишь предложить тебе личный контракт, но расторгнуть чужой? Деточка, ты не к тому пришла.

Помещение не имело конца и края – стены, если они здесь были, терялись в полумраке задымленной пещеры. Гигантские сковородки и кастрюли, в которых стонали и плакали души, приводили Дарью в ужас. Мелкие рогатые и хвостатые бесы внимательно следили за «кухонной утварью» и безжалостно сталкивали грешников, которые пытались выбраться, назад в кипяток или масло.

Сатана не обращал внимания на обстановку. Он сидел на каменном троне. С правой стороны стоял невысокий столик, созданный из человеческих костей, на нём лежали всевозможные свитки. По левую руку от трона высилась золотая ваза, наполненная кровью. Дьявол зачерпнул из неё серебряным кубком, сделал глоток и удовлетворённо крякнул.

Дьякон уже жалела, что пришла сюда. Когда она затаскивала в колокольню людей для жертвоприношения, здесь была совсем другая обстановка – пыль, грязь, какие-то старые вещи и винтовая лестница наверх. Да ещё алтарь с пентаграммой, черепом козла и пиалой для крови. Собственность Ксении.

То, что звонница филиал ада, оказалось полной неожиданностью.

– Что замолчала? У меня нет желания зря тратить время, кусок плоти, – нетерпеливо прорычал Сатана.

Он снял капюшон, и Даша почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Вельзевул выглядел именно так, как женщина себе и представляла. Красное, вылепленное из мышечных волокон лицо без малейших признаков кожи. Страшные, светящиеся жёлтые глаза. Безгубый рот, полный острых клыков, и рога. Великолепные витые рога. Они изгибались назад и уходили вниз, за спину.

– Так что по поводу сделки? Хочешь, убавлю тебе лет двадцать? Или фигуру подправлю – будешь нормальной бабой, а не двухметровым куском мышц. Или, смотри, вот ещё вариант – кроме силы, одарю тебя возможностью мужиков в себя влюблять. Тогда и во внешности менять ничего не придётся.

Даша на каждое предложение отрицательно качала головой.

– Нет, так нет. Свободна. Пока. Рано или поздно вы все здесь окажетесь. – Сатана величественно махнул в сторону кастрюль когтистой рукой.

Женщина развернулась и на негнущихся ногах пошла к двери.

– Стой, мешок с костями. Понравилась ты мне. Можно обойти договор. Если одна из сторон больше не может вы-

полнять свои обязанности, то контракт разрывается в одностороннем порядке. И неустойка ещё. Смекаешь?

Даша ничего не сказала и выбежала из колокольни.

Сатана хихикнул, выпустил из носа струи дыма, его лицо смазлось и превратилось в свиное рыльце. Чёрт свистнул, а потом прокричал:

– Так, пацаны, отбой! Всем спасибо, оплата, как договаривались!

Погасли костры, сковородки подёрнулись дымкой и исчезли, а «грешники», похохатывая, стали с хлопками исчезать.

Через две минуты звонница опустела и вернулась в первоначальный вид.

Глава 5

Покинуть человеческий ареал обитания можно в произвольной точке на границе Вырая. Но по неизвестной пока причине Туман «выносит» путников в одном единственном месте у населённого пункта. Это правило соблюдается всегда. И заложник случайного перемещения, и тот, кто использует магический навигатор для осознанного направления, окажутся в одном и том же месте, если их вынесет к одному и тому же человеческому поселению. Люди со сверхъестественными способностями также не могут контролировать данный процесс. Это открывает большие возможности для разработки чётких маршрутов и объединения поселений в единую сеть в будущем. А также для формирования перевалочных пунктов и гостиниц в настоящее время.

М.А. Бондаренко, «Путеводитель по современному миру».

Насладиться свободой и ощущением нереальности происходящего Коваль не дал. Едва за ними закрылась тяжёлая стальная дверь, мужчина схватил девушку за руку и потащил сквозь кусты шиповника. Сова, словно забыв о людях, взмахнула крыльями и полетела вперёд, а затем исчезла из виду.

– Слава! Ты с ума сошёл?! Больно ведь! Тут колючки кругом!

Вячеслав остановился, обернулся и буркнул:

– Извини. Не подумал. Просто надо убираться поскорей отсюда. А я даже представления не имею, сколько до границы с Выраем.

– Спросить нельзя было? – Прошипела девушка, стараясь не обращать внимания на боль – одна из веток царапнула по щеке. – Да и куда спешить: сейчас день, упырей нет, а приспешники Тьмы спят или что они там днём делают.

Слава вновь шёл вперёд, теперь аккуратно придерживая ветви, чтобы те не мешали девушке. Сам на такие досадные мелочи, как царапины, внимания не обращал.

– Не знаю, Сонец, что вы в своём Роднике о нынешней ситуации знаете. Упыри, да, солнца боятся. И будут это делать ещё десятки лет. Но нечистые разные бывают. И ночные, и дневные. Нам до солнцепёка нужно укрытие найти. А то повылезают полуденицы, бабы железные, или кто тут в этой местности обитает. Да и сейчас, утром, можно на кого-нибудь нарваться. А ваша хозяйственная Аристархова весь рюкзак выпотрошила, зараза, ничего им противопоставить не смогу. Твою ж маковку! – Коваль споткнулся о невидимый в траве ржавый велосипед и со злостью его пнул. – И кстати, прекрати называть их так пафосно.

– Как? – Хоть скорость передвижения и уменьшилась, но Соня едва поспевала за Ковалем и уже даже немного запы-

халась.

– Приспешники Тьмы. – Тонким голосом передразнил мужчина. – Нечистые, и хватит с них. Так, мы дошли.

Парочка выбралась из зарослей и оказалась на берегу озера. Кривицкая со стоном опустила на колени и чуть не по плечи засунула саднящие от колючек руки в воду.

– С водяным поздороваться решила? Давай, вперёд. Они любят таких, как ты, молоденьких да несчастных.

Соня тут же выдернула руки из воды и даже отползла на пару шагов назад.

– Надо двигаться. Ты говорила, что жила где-то здесь раньше. Тогда, может, знаешь, сколько отсюда до городской окраины?

– А это окраина и есть. – Девушка встала и махнула рукой в сторону высоток на другом берегу. – Вон там мой дом, третий справа.

Вячеслав помолчал, внимательно глядя на застывшую вдруг Софью. Потом осторожно, с сочувствием спросил:

– Хочешь зайти?

Кривицкая дёрнулась, как от удара и покачала головой:

– Нет, ты же говоришь, спешить надо.

– Ещё я говорил, что нам нужно укрытие. Вот твоя квартира на каком этаже?

– На шестом.

– Прекрасно. То, что надо.

– А упыри? И приспе... нечистики?

Слава достал из рюкзака нож. Он оказался внушительным, бережно упрятанным в кожаные ножны. Приладив оружие на пояс, двинулся вдоль берега:

– Упыри подвалы и подземные стоянки предпочитают, а нечисть в пустые жилища особо не лазит. Максимум, первые два этажа могут занять. Не любят они от земли отрываться. Хотя летающие совсем наоборот – чем выше, тем лучше. Ниже седьмого-восьмого этажа не опускаются. А от твоего дома далеко до выезда из города?

Соня, сильно хромая, шла рядом. Ответила не сразу – вспоминала. Потом неуверенно сказала:

– Минут десять на машине.

– Далековато. Пехом, да по зарослям, да рискуя нарваться на какого-нибудь урода – денёк придётся потратить.

Оборвав себя на полуслове, Коваль вдруг рванул в сторону – туда, где высились несколько берёзок.

– Сонец! Гляди, какие красавцы! – Мужчина пошарил в многочисленных карманах на штанах, достал целлофановый пакетик и опустился на колени.

Кривицкая во все глаза смотрела, как Коваль профессиональными движениями срезает грибы у самой земли.

– Если найдём лопух, я тебе такой обед забабахая, что ты больше на свою тухлую тушёнку и смотреть не сможешь. – Бормотал Славка, складывая в пакет подберёзовики. – У вас столько народу! Засели в храме, лебеду варите, крысами детей кормите. Могли бы хоть иногда вылазки делать дальше,

чем на сто метров от забора. Тут же всё прямо под ногами – ягоды, грибы, дичь, в конце концов. Вместо того чтобы убивать тех, кто может Силой управлять, дали бы люлей своей настоятельнице и зажали бы, как люди!

Соня, слушая эту тираду, опустила на траву и тихонько заплакала.

Вячеслав обратил на это внимание не сразу – увлёкся тихой охотой. А когда заметил, смутился. Излишне неторопливо спрятал грибы в рюкзак, подошел к девушке, потоптался рядом, потом сел, схватил Кривицкую за плечи и притянул к себе. Соня уткнулась носом в мужскую грудь и зарыдала в голос.

– Ну, ну, тише. Не хотел тебя задеть, прости. Вы выживали, как могли, кто я такой, чтобы судить?

– Я не обижаюсь! – Прорыдала Соня. – Я плачу потому, что ты абсолютно прав! Я от злости-и-и!

– Вот и молодец, вот и хорошо. Только рыдай потише, пожалуйста. А то в гости ещё кто на шум пожалует.

Но эта часть города словно вымерла. За тот час, что заняла дорога к Софьиному дому, люди не встретили никого – ни нечистой силы, ни животных.

Коваль угрюмо следил за обстановкой. Теперь его не радовало ничего – ни брусника, попавшаяся на пути, ни красавец лопух, чьи корни были выкопаны с помощью ножа и уложены в рюкзак, ни торговый павильон «Всё по сто». В магазинчике удалось разжиться всё ещё рабочими газовыми

зажигалками, стальным молотком для отбивки мяса – вполне себе женским оружием самозащиты, мотком пластикового шнура, бельевыми прищепками и прочей, на взгляд Сони, не слишком полезной мелочёвкой. А вот Слава всё вздыхал, что город «жирный» и что «сюда бы рейд», потому что «дорога дальняя, напихивать всё в рюкзак никакого профита, всё равно не донесу».

Девушка не уточняла, о чём мужчина говорит. Её больше интересовало, почему он мрачный, то и дело прислушивается к чему-то и с каждой минутой всё меньше походит на того весельчака-балагура, которым был ещё в заключении.

– Сонец, а ты сама подумай. Где все? – Так ответил он на озвученный, в конце концов, вопрос. – Ни птиц, ни зверей, ни нечисти. Ни звериных троп, ни следов бурной деятельности тех же самых полудениц.

– Радоваться надо. Идём, как по проспекту. Не понимаю, что тебя не устраивает. – Хромушка всё никак не могла привыкнуть к молотку, брала его то в правую, то в левую руку, то засовывала за пояс юбки. – Это лучше, чем через ряды упырей прорываться.

– Кстати, о них. Татуха моя молчит. Значит, вблизи никого. А дома – вот они, пару шагов сделать осталось. Такие классные подвалы здесь и никто не облюбовал? Ты пойми, дорогуша. Если нечистая мелкота избегает какое-то место, значит, в нём тусуется что-то пострашней.

Словно в подтверждение подозрений Ковалея путеше-

ственники наткнулись на труп. Огромная клыкастая тварь подставила солнцу кожистые крылья, тело, покрытое мелкой чёрной шерстью и обрывки грязной одежды. Выглядел вурдалак, как сушёный банан – сморщено и неприглядно.

Слава молча подошёл, тронул труп ногой, и тот легко отлетел в сторону. Вот тут-то проняло и Софью.

– Он словно пушинка. Это кто его довёл до такого состояния?

– Не знаю. Но очень хочу узнать.

До Сониного дома оставалось пройти всего ничего – завернуть во двор, пройти мимо девятиэтажного дома и пересечь детскую площадку.

– Татуха молчит. Разрядилась, что ли? Такое только кто-то очень мощный может сотворить. Может, даже Высший. – Бормотал Коваль.

Скорость передвижения мужчины и девушки упала практически до нуля. И всё равно – если бы не сова, появившаяся совершенно неожиданно, приключение закончилось бы прямо здесь, рядом с ржавыми детскими качелями.

Птица с визгливым криком спикировала Вячеславу на голову. Тот от неожиданности схватил пичугу и отшвырнул:

– Пшла отсюда, дурища!

Сова не обиделась. Ворча почти по-человечьи, она снова взлетела и закружилась вокруг людей, не давая сделать ни шагу.

– Славик, не злись. Ты же сам говорил, что моя Совушка

не совсем обычная. Может, она сказать что-то хочет.

Пернатая, словно в ответ, опустилась на потрескавшуюся тротуарную плитку и застыла на одном месте.

– По-моему, её просто от дневного освещения глючит. – Коваль попытался обойти сову.

Птица издала резкий звук, взлетела и заметалась над головами. Это было похоже на панику.

– Ты что, на хвост ей наступил?! – Возмутилась девушка, но ответа не дождалась. Какое-то существо размером с обеденный стол молниеносно выскочило из ближайшего подъезда и, стремительно перебирая четырьмя парами ног, понеслось прямо на Славку. Тот не зазевался, резко оттолкнул от себя Софью, выхватил нож и застыл в ожидании.

Кривицкая так испугалась, что не обратила внимания на боль в спине, которую вызвало грубое соприкосновение с тротуаром. Девушка, словно во сне, смотрела, как Коваль падает на землю, сбитый с ног передними лапами гигантского мохнатого паука, как жуткого вида хелицеры протыкают тело мужчины, и как бесполезный нож отлетает куда-то в траву.

Эти две секунды показались девушке долгими минутами. Неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы истерично клекотавшая сова не спикировала на чудовище.

Паук от Славки отвлёкся, поднял передние конечности и стал ими размахивать, но птицу достать всё никак не мог. Сова взлетала и вновь приземлялась на головугрудь тенетника, яростно долбя крепким клювом по круглым глазам. Паук,

не издавая ни звука, заметался по детской площадке. Что-то мерзкое, тягучее, грязно-лилового оттенка, хлынуло из глазниц. Кривицкая неожиданно для себя, видимо, из-за испуга, «провалилась» в колдовское состояние, и паук предстал перед ней во всей своей внутренней красе. Поняв, что разбираться в анатомии нет времени, Хромушка сделала то единственное, чему успела научиться. Она потянула энергию из монстра, как ночью из Славы. Это продолжалось довольно долго – минуты полторы, после чего паук наконец-то рухнул вверх лапами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.